

Анна Артюшкевич

Хранители

Книга вторая

Луч смерти

...С утра было пасмурно, а потом на землю пролились короткие и солнечные дожди. В небе сияла радуга, асфальт исходил паром, и волны хвойного аромата выплескивались из старого леса.

Тойота резво катила по шоссе. Шурик сидел за рулем, Димка глазел на уплывающие пейзажи, а я дремала на заднем сиденье, приткнувшись к мощному плечу Роднина. Олег бережно обнимал меня, дожидаясь момента, когда можно будет выкурить сигарету. Лицо у него было бледное и усталое, но остановка не входила в наши планы, пока невысказанный по красоте кадр не поразит чье-либо воображение.

Мне стало жалко Олега, и я тронула Сорина за плечо:

— За следующим поворотом открывается потрясающая панорама, и ее лучше всего снимать вон с той точки!

— Какая еще панорама? — возмутился Димка. — Я тут все панорамы наизусть знаю, так что не морочь голову!

Русецкий покосился в зеркало на Олега, машина вильнула, приткнулась к обочине, и стала.

— Ты чего? — не понял Димка.

— Размяться надо, — равнодушно пояснил Шурик и зевнул. — Несколько часов за рулем, ноги затекли.

— Какие ноги? — взвыл Сорин. — Мы же снимаем через каждые двадцать минут!

— Ну, так сложи несколько раз по двадцать, — невозмутимо посоветовал Шурик, — и получишь несколько часов.

— Только вразной, — добавила я.

Димка ничего не понял, посмотрел на Русецкого, на развеселившегося Олега, плюнул, взял камеру и пошел снимать.

Роднин с наслаждением затянулся сигаретой, Шурик завел разговор о покрышках, и мне стало скучно. Сообщив, что хочу прогуляться, я двинулась в сторону леса.

— Только не уходи далеко, — обеспокоенно крикнул Олег вслед.

— А то на оборотней наткнешься, — злорадно пообещал обернувшийся Димка. — А их здесь — навалом.

— Спасибо за заботу, — раскланялась я. — Человеколюбие всегда было твоей отличительной чертой.

— Так я за оборотней волнуюсь, —

невозмутимо сообщил Сорин, — обидно, если после встречи с тобой уникальный вид утонится в озере всем своим поголовьем!

Я показала ему язык и принялась собирать землянику, красные капли которой рассыпались по влажной поляне. Ягоды были сладкими и душистыми, и я решила сделать парням сюрприз: нарвала гибких стеблей и стала нанизывать на них землянику, как бусины.

Но едва ступила в тень на опушке, как незримая упругая волна оттолкнула меня, придержала, и, узнав, отпустила...

Зона продемонстрировала свою мощь, и снова расслабилась.

— Ну, что ты, — тихо сказала я, — это всего лишь свои, успокойся...

* * *

...Сколько мы пробыли в Зоне? Неделю? Месяц? Время бурлило, перехлестывая через край, и не вмещалось в пространство между датами: уж слишком много всего случилось здесь каждый день...

Мы приехали снимать фильм для Международного культурного фонда о преданиях, полустершихся тайнах, о любви, воспетой в легендах... Но предания блекли на фоне

реальности, а любовь, которую я здесь встретила, сверкала ярче любых романов, ограненных временем и фантазией... По крайней мере, мне так казалось.

Главной же тайной была сама Зона, заключенная в треугольнике между руинами старого замка, озером и останками древней церкви. И каждый ориентир хранил свой секрет: церковь — сияющие фрески, которые открывала не каждому, озеро оказалось живым и целебным, а в руинах время текло иначе, и находился незримый Архив с величайшими знаниями, накопленными человечеством. А, может, не только человечеством.

Местная легенда гласила: чужие и опасные люди пытались захватить эту землю в течение многих столетий, но ее отстояли жители, которых называли Хранителями...

Трудно было поверить, что безоружным крестьянам удалось противостоять захватчикам, действующим мечом и коварством, да и кто были эти Хранители, откуда они взялись, — никто толком не знал... Но легенда утверждала: защитниками Зоны становятся их дети, внуки и правнуки, и так должно длиться вечно.

И все же финал наступил. Последний из Хранителей — бизнесмен Балабанов предупредил: Зона может стать мощнейшим оружием в руках тех, кто знает, как это сделать, и тогда произойдет

катастрофа, последствия которой будут ужасны! И просил нас не допустить, чтобы землей завладели посторонние люди.

А назавтра Балабанов погиб, — и не осталось на земле никого из славного племени, охранявшего планету на протяжении многих веков, о чем та, конечно же, не догадывалась... Так же, как не знали об этом до недавнего времени мы.

Что было мифом, а что историей? Трудно сказать... Но в том, что на Зону кто-то положил глаз, — мы убедились сами. Правда, на сей раз ее хотели купить, а посредником выступал наш коллега Игорь Фомин, за которым тянулся шлейф из всяких грязных историй. И мы решили выяснить, кто эти анонимные покупатели, поскольку у нас были все основания считать их виновными в гибели наших друзей.

Что же случится, если мы сломаем их планы? Убийства были красноречивым ответом на этот вопрос. Но нам было плевать на последствия: Зону мы готовы были защищать до последнего, и не оттого, что поверили мифу, а из-за упрямства и бешеной злобы на тех, кто убивал наших близких и открыл охоту на нас.

...Раздался нервный сигнал клаксона, и я двинулась на звук, осторожно сжимая пальцами стебли с нанизанной земляникой.

Почему мы решили снимать свой фильм именно здесь, хотя было навалом других подходящих мест? Слишком много фрагментов из предметов, людей и событий, сложилось вместе, и в мозаике проступили контуры Зоны...

Получается, что нас сюда занес Ветер судьбы, от которой нам теперь уже никуда не деться...

* * *

— Ну, и где тебя носит? — закричал Димка, когда я вышла из леса. И я поняла, что он очень голоден.

По моим наблюдениям, желудок играл в жизни мужского племени очень важную, если не основную роль. А Сорин настолько зависел от его состояния, что было физически опасно оказаться между ним и дымящимся куском мяса!

Я протянула ребятам по миниатюрной земляничной гирлянде, и Димка проглотил свои ягоды, как удав.

Шурик устроился за рулем и положил стебелек перед собой, а Олег забрался на заднее сиденье, затащил меня, и принялся скармливать мне землянику. Я поняла, что отвертеться не удастся, и поделила свой дар по-братски. Сорин уселся рядом с Шуриком и алчно уставился на его долю.

— Не смотри, не смотри, — хладнокровно

предупредил Русецкий, — ты свою пайку слопал, тебе даже килограмм ягод, — что слону дробина! Лучше думай о мясе, потому что сейчас мы отправимся к Автандилу.

Димка застонал от восторга, а Роднин заметил:

— Надо бы грузина расспросить по поводу той истории с башней, огнями и жертвами, которые пропадали!

— Для этого и едем, — скупое обронил Шурик, и нажал на газ.

...Недавний визит в кафе «Нестерка», которое открыл заезжий грузин, оставил в наших душах неизгладимые впечатления! Во-первых, мы там спрятались от каких-то нервных автоматчиков, которые ни с того, ни с сего стали палить, гоняясь за нами на внедорожнике. А, во-вторых, хозяин поведал жуткую историю о загадочных конкурентах, обосновавшихся рядом, в кирпичной башне. По словам Автандила, те собирались открыть ресторан, но вместо этого наштиговали строение странной аппаратурой, из-за которой его клиенты падали в обморок, а некоторые даже исчезали неизвестно куда.

Все это могло бы выглядеть бредом, если бы влияние огней, заживавшихся на башне, не испытала на себе я.

...Тойота причалила к аккуратному зданию с кокетливыми клумбами у крылечка.

Мы высыпали на улицу, оценили популярность пищеточки по фурам, скопившимся на стоянке, и вошли внутрь. В помещении тихо играла музыка, царил полумрак, и вкусно пахло незнакомыми блюдами.

К столику подплыл Автандил собственной персоной, приветливо поздоровался и рекомендовал оценить чахохбили, которое сегодня подавалось впервые.

— И красное вино, — жмурясь от удовольствия, сообщил грузин. — Мне его доставили с родины. За счет заведения, разумеется.

Мы насторожились. Не в правилах бизнеса делать широкие жесты, и гостеприимство хозяина требовало разъяснений. Автандил это понял и успокаивающе кивнул:

— Господа, мы не окончили нашу беседу в прошлый раз, но, забегая вперед, должен сказать, что мне нужна ваша помощь. И если вы мне откажете, — в чем я сомневаюсь, — считайте, что вино — это благодарность за то, что выслушали меня.

Он попятился, расшаркался и отчалил в сторону кухни.

Мы озадаченно переглянулись, и Роднин протянул: — М-да... Похоже, наш визит был

просчитан.

— По крайней мере, он ожидал нас, причем, с нетерпением, — буркнул Димка, — отщипнул кусочек хлеба, обмакнул в соль и принялся жевать с несчастным видом обжоры, у которого диагностировали гастрит.

Накачанный официант принес чахохбили, зелень, глиняный кувшин с вином, и мы принялись дегустировать.

Вино было в меру терпким, зелень — сочной, а от аромата чахохбили можно было с ума сойти! И от вкуса — тоже. Так сказал Сорин. А его мнению о еде мы доверяли безоговорочно.

Я первая отвалилась от стола и потребовала кофе с мороженым. Следом посуду стали отодвигать мужчины. Только Димка все водил хлебной корочкой по тарелке, вымакивая остатки соуса.

— Может, повторить? — жалостливо спросил официант.

— Нет уж, — вздохнул Сорин, — а то придется от ужина отказаться!

Мы разразились саркастическим хохотом: представить Димку без ужина было так же нереально, как балерину без диеты.

Официант убрал посуду, поставил на столик кофе, мороженое для меня и рюмки с коньяком для ребят.

— Ого, — удивился Шурик, — похоже, Автандил отказался от классики!

Мы тоже недоумевали, поскольку фишкой кафе были свежайшее пиво, водка, рыба, а также охотничьи колбаски.

Словно услышав слова Русецкого, грузин выглянул из-за кухонной двери и, убедившись, что мы перешли к десерту, снова подплыл к столику. Олег пододвинул стул, Автандил мягко опустился на него и сообщил:

— Расширяю ассортимент, а то мало ли что...

И умолк, выжидающе поглядывая на нас.

— Конкуренентов боитесь? — спросил Роднин.

— Не то, чтобы...

Автандил замялся, потом тихо добавил:

— Хочу привлечь побольше клиентов: если со мной что-то случится, резонанс будет сильнее. У меня благодаря коньяку и новым блюдам стали обедать сотрудники прокуратуры из города. Не каждый день, конечно, но дважды в неделю приезжают.

— Умно, — одобрил Сорин. — Но только зачем подставляться, чтобы «что-то случилось»?

Грузин оживился и, понизив голос, сообщил:

— Люди на башне активизировались.

— Что значит — активизировались? — резко спросил Роднин.

— Машины все время что-то подвозят, и

дольше горят огни наверху...

Грузин помолчал и шепотом добавил:

— Я думаю, оттуда посылается луч смерти.

— Какой луч?! — опешила я.

— Можете считать меня сумасшедшим, но после этого над озером появляется сфера, а само оно светится зеленым, — спокойно пояснил Автандил. — Я и сам попал под действие луча и пролежал после этого месяц с инсультом и в предынфарктном состоянии. Думаю, доктор, для вас эта информация представляет интерес после смерти вашего друга?

Олег обвел всех удивленным взглядом и тяжело вздохнул. Он никак не мог привыкнуть к тому, что в Зоне секретов не бывает.

Ребята, пряча улыбки, понимающе переглянулись.

— А двоих мужчин нашли в озере, — прошептал коммерсант. — Милиционеры родным сказали, что те утонули: будто у них с сердцем плохо стало. А ребята в тот вечер здесь ужинали. Выпили, закусили, пошли покурить и не вернулись. Бармен сказал, что увидел в окно, как мужчины упали, словно подкошенные, а какие-то люди побросали их в фургончик и увезли. Когда же он выскочил на улицу, машины и след простыл! А на стульях остались их пиджаки, но сразу же прибыли сотрудники районной милиции и вещи забрали. Мы

попросили показать документы парней, но те нас и слушать не захотели! И пытались запугать бармена, который настаивал, чтобы внесли в протокол сообщение о фургоне. А ночью его возле дома сбила машина. Случайно уцелел!

Олег слушал очень внимательно. Потом спросил:

— А, может, бармен все перепутал? Вдруг ребята и вправду поехали спяну купаться? А во дворе просто парочка алкашей отдыхала, которых друзья увезли? Ведь, насколько я понял, было уже темно?

Автандил энергично замотал головой:

— Исключено! Все случилось прямо под нашими окнами. Да вы на Артура взгляните: разве такой что-нибудь перепутает?

Мы посмотрели на Артура. Тот засек наши взгляды, и пройдошливая физиономия растянулась в хитрющую ухмылку.

— Да, такого только в разведку! — одобрил Шурик.

Лицо парня расплылось еще шире.

— Он в десанте служил, — объяснил довольный хозяин, — и поэтому не боится ни Бога, ни черта! А я боюсь.

И вздохнул.

— Чего? — не понял Шурик.

— Слишком много знаю, — уныло сказал

Автандил. — А таких убирают.

— Что знаете? — подался вперед Олег.

— Господа, — в голосе Автандила слышалась мука, — я не рождественский гусь, чтобы спокойно клевать грецкие орехи и ждать, пока мне открутят голову. Оттого, что я буду тихо себя вести, ситуация не улучшится. Мне уже прислана черная метка!

Мы переглянулись и вопросительно уставились на него.

— Меня дважды пытались отравить, — признался Автандил. — Я не паникер, но уверен, что в третий раз у них это получится. А у меня здесь бизнес, и я привык к этим местам. Да и почему, в конце концов, я должен бояться жить? Это унизительно!

Глаза Автандила метнули молнии, и в этот момент я поверила, что в нем течет гордая кавказская кровь!

— Я не десантник, — покачал головой коммерсант, — и более уязвим. Но мне стыдно показывать людям свой страх, это не по-мужски. На милицию надежды нет, она здесь давно срослась с криминалом. Значит, остается только одно: бороться за жизнь самому!

Правда, есть несколько человек, на которых я могу положиться. И вы, думаю, тоже вошли в их число... Но до сих пор было непонятно, на чьей

стороне ваши симпатии? С одной стороны, вроде, ваши друзья погибли: Борисевич, Балабанов и офицер... А, с другой, у всех, кроме доктора, прекрасные отношения с Любоцким!

Но в прошлый раз все стало на место. Если группу достаточно известных людей хотят среди бела дня убить, значит, в этом есть срочная необходимость, значит, они для кого-то стали очень опасны! И я предлагаю объединиться. Согласитесь, что ресторан — прекрасное место для встреч и для сбора информации!

— Так что же вы все-таки знаете? — не отставал Роднин.

Тут бармен подал знак Автандилу.

Тот посмотрел в окно и быстро сказал:

— Когда будете уходить, положите в меню номера своих сотовых и отдайте Артуру! А он передаст вам мой. Пока же нам лучше вместе не светиться.

И коммерсант скрылся за дверью кабинета.

Мы были ошеломлены. История Автандила выглядела бы фантастичной, если бы не предыдущие события.

— Вот тебе и сказочный уголок, — удивился Шурик. — Да тут, оказывается, все так запущено! Просто авгиевы конюшни!

— Ну, что же, похоже, «Нестерка» превращается в кафе «Элефант», — резюмировал

Сорин. — Встречаться будем, как Штирлиц с женой: не вызывая подозрений у присутствующих!

— То есть, внешне — открыто, а на деле — тайно, — вдохновенно поддакнула я.

Олег подозрительно взглянул на меня и сказал:

— Надо бы с Артуром сойтись поближе.

— Пойду, пообщаюсь! — лениво протянул Шурик и разболтанной походкой двинулся к стойке.

Заказал кружку пива, рассказал пару анекдотов, вернулся и сообщил:

— А дело-то действительно серьезное! С некоторых пор здесь периодически устраиваются сабантуи с участием местного начальства. На них прибывают гости, все ужинают, а потом ведутся весьма любопытные разговоры. Если их слушать порознь, то подозрений не возникает. А если неглупый человек присутствует на торжествах постоянно, то непременно свяжет концы с концами и сделает нелицеприятные выводы.

— А на какую тему беседы? — поинтересовался Димка.

— На разные. Несчастные случаи с предпринимателями, сторевшие склады, авария на железной дороге, когда исчез очень странный конфискованный на таможне груз. Здесь даже тасуют колоду очень крупных чиновников! И это не

просто треп, а реальные планы и подведение итогов, как на партийных собраниях.

— Разве такое возможно при посторонних? — удивилась я.

— Наверное, они этот момент прогляпили, а, может, заведомо подписали грузина! Я лично склоняюсь ко второму. Официант, который присутствовал на паре попоек, заинтересовался пропавшим грузом, а через два дня прыгнул с моста и разбился. С тех пор банкеты обслуживают парнишки, которых гости привозят с собой. А на бармене и Автандиле, похоже, и впрямь поставили крест: те слишком много слышали! Ребята пока притворяются олухами, но это ненадолго. Тем более, что по информации бармена, кто-то всерьез навел справки о «Нестерке». Такое ощущение, будто у ресторана должен смениться хозяин.

— Ну, прямо «страсти Мценского уезда»! — не выдержал Димка. — Должен сказать, что прибрать общепит, расположенный рядом с башней, к рукам, очень умно. Во-первых, таинственный объект всегда будет под присмотром, а, во-вторых, можно ненавязчиво с помощью инфарктов избавляться от нежелательных элементов, гуманно накормив их перед смертью деликатесами! Никому и в голову не придет заподозрить хоть в чем-нибудь хозяев.

— Лишь один вопрос остается пока без

ответа: почему вас все-таки хотели грохнуть незнакомые автоматчики? И являются ли они, убийцы наших друзей, и ребята на башне одними и теми же лицами? — сказал Олег.

И, покачав головой, задумчиво добавил:

— И что это за таинственный луч?

— Это уже три вопроса, а не один, — зевнул Шурик. — И ответы на них раздобыть здесь сегодня уже нереально!

Он записал на салфетке номера наших телефонов, вложил в кожаную папку с меню и отнес Артуру. Немного потрепался, кивнул нам и направился к выходу. Мы двинулись следом.

КРУГ ТРЕТИЙ

У людей, относящихся к первому или второму кругу, центр психической тяжести расположен в двигательном или эмоциональном центрах. А у тех, кто относится к третьему, — он лежит в интеллектуальном центре, то есть, мыслительная функция преобладает над двигательной, инстинктивной и эмоциональной.

Это люди рассудка, которые ко всему подходят с точки зрения теорий и умственных соображений...

I

Вторая половина дня пролетела в молчании.

Спидометр накручивал километры, солнце склонялось к закату, мы лихорадочно наверстывали рабочий график. Роднин сидел за рулем, Шурик держал камеру, а сытый и притихший Сорин смотрел в боковое окно, указывая Русецкому, какой запечатлеть кадр. Ушибленная нога у него все еще болела, поэтому утренняя работа на пользу ей не пошла.

Иногда Шурик сам просил Олега остановиться и снимал поросшие седым мхом

валуны, похожие на сторбленных стариков, тонкую иву над узкой речкой, голенастого аиста, с любопытством взиравшего на нас, и веселого зайца, выскочившего из чащи. Из — за этого полоумного зайца Русецкий едва не разбил камеру, и потом долго чертыхался вслед ускокавшему косому.

— Перекур, — объявил Роднин, понимая, что ребята устали.

Мужчины облокотились о капот тойоты и закурили, лениво перебрасываясь словами. А я отошла к речушке и стала бросать в нее камешки, разбивая блестящую, как зеркало, гладь.

Нам здорово повезло, что Шурик приехал отдохнуть на несколько дней, иначе Сорину пришлось бы туго. И я чувствовала себя очень уютно в их компании, потому что Русецкий и Димка были моими старыми друзьями, а Роднина я любила так, как любить, наверное, невозможно. Все трое были сильными и надежными, не случайно же у них за спиной была Чечня: пусть даже Сорин с Шуриком прикоснулись к ней, как документалисты-киношники, а Роднин служил военным врачом.

«А война — это очень серьезно, намного серьезнее, чем придурки — автоматчики на внедорожнике», — почему — то мелькнула у меня мысль. Наверное, ужас, которого я не ощутила при встрече с убийцами, засел глубоко в моем

подсознании.

— Лизавета, — окликнул Димка, — Петр звонит, в гости зовет. Поедем?

Я подошла, он включил громкость.

— Мы же снимаем! Какие гости? — удивилась я.

— Так дождь будет, — рассудительно сказал Петр. — И солнце садится. А если в кафе все время питаться, можно и язву нажать!

Я рассмеялась, посмотрела на небо: и точно, на горизонте колыхалась тяжелая брюхастая туча, очертаниями похожая на корову.

— А я картошки наварил, рыбу запек, — утром наловил, — соловьем заливался Петр. — Мед есть, соседка молока принесла. Приезжайте!

У Димки при слове мед, уши стали торчком, как у гончей. Петр нередко приглашал нас на ужин просто так, чтобы мы полакомились «свеженьким», но на сей раз повод был, похоже, серьезный, — это чувствовалось по тону.

«Что же у него там стряслось?» — подумала я.

— Да нормально все, — успокоил Олег, уловив мою тревогу. — Просто наловил много рыбы, а душа у парня широкая, вот и решил угостить друзей.

— Поехали, — Шурик затоптал окурок и запрыгнул в машину.

Мы с Димкой пару минут препирались, кому

ехать впереди, но Олег не дал разгореться спору: влез на заднее сиденье и молча втащил меня туда. Торжествующий Димка уселся рядом с Шуриком, и спустя полчаса мы вырулили на сельскую улицу, где жил Петр.

Проехав немного, тойота вдруг вильнула и носом уперлась в стог свежескошенного сена.

— Ни фиги себе! — изумился Сорин.

Олег выглянул из-за его плеча и присвистнул: изящную плетеную изгородь вокруг Петькиного родового гнезда сменил глухой двухметровый, на совесть сколоченный забор.

— Великая китайская стена, — пробормотал Шурик, с почтением взирая на могучее сооружение.

— Это не китайская, — отверг Сорин, — это, скорее, образец плотничьего искусства развеселого племени черноногих пигмеев из бассейна загадочной Амазонки, если они там водятся. Плацдарм на века, неприступный для каннибалов и крокодилов. И, главное, глаз радует, маскируясь под цветущие джунгли.

За стеной нервно кукарекнул петух.

— Пернатые не выдерживают эстетической нагрузки, — сочувственно покачал головой Димка.

Мы с Родниным хохотали.

Следом за петушиным стоном раздались звон, гром, бряканье, звяканье и калитка, похожая на ворота, с угрожающим скрипом отворилась. В

проеме возник длинный силуэт Петра.

— Чего не заходите? — удивился парень. — Остынет же все!

Олег, задыхаясь от смеха, ткнул пальцем в сторону стены.

— А, — сообразил Петр, — это знакомый маляр постарался. Забор — высокий, глухой, и от него безнадежностью веет. А так, вроде, веселее. Мрачность скрадывается.

— Это точно, — согласился Димка. — Ты мне телефончик своего Пикассо оставь, хочу соседу по даче сюрприз устроить. Он меня, гад, достал: все его раздражает, — и музыка, и мангал, и друзья мои... А так, — проснется, увидит забор, и обрадуется! Глядишь, и на мир по-другому смотреть станет.

— Он тебя, скорее, убьет, — спокойно возразил Шурик.

— А за что убивать? — искренне удивился Петр. — Так ведь гораздо лучше, чем голые доски, или, скажем, однотонный забор.

— Ну, еще бы! — с энтузиазмом воскликнула я.

Венец творчества маляра и впрямь не угнетал безнадежностью, скорее, даже наоборот: двухметровая стена переливалась всеми цветами радуги и вызывала приступ эйфории и легкого сумасшествия. Петькин знакомый не только сумел

уловить гармонию в не сочетающихся оттенках, но и скомбинировал их так, что ломались всякие представления об эстетике. Но получилось живенько. По крайней мере, на мой взгляд.

— Какое — живенько?! — подпрыгнул Димка, когда я поделилась впечатлениями. — Это же переворот в искусстве: Дали нервно курит в сторонке! Какой колор! Какие линии!

Димка был прав: колор включал в себя даже серебряные мотивы, а линий было хоть и немного, но все — по делу: вдоль забора струились горизонтальные волны, краски плавно переходили одна в другую, а на волнах покачивались какие — то невообразимые существа, похожие на гигантских насекомых! Впрочем, это могли быть не насекомые, а художественно разбросанные абстрактные пятна. В общем, панно представляло собою незабываемую картину!

Мы гуськом прошествовали на территорию Петькиного поместья.

— А что же ты внутри себя так обидел, схимник? — полюбопытствовал Димка, созерцая яркий квадрат скромных размеров на заборе. — Краски не хватило? На улицу любоваться ходишь?

— Пчелы волнуются, — отмахнулся Петр. — Цветов не видят, на стену кидаются.

Димка заржал:

— А зачем ты вообще всю эту ерунду затеял?

Такой плетень замечательный был, — не плетень, а произведение искусства!

Петр что-то буркнул и бросил острый взгляд на меня. Я внимательно наблюдала за его реакцией.

— Или опять с кем-то поспорил? — не унимался Сорин. — Ой, смотри, Петька: три раза срок на зоне тянул из — за дурацких споров, а в четвертый раз вляпаешься, — сядешь надолго!

— Ну, что ты к нему привязался? — вмешался Олег. — Это его территория, — что хочет, то на ней и рисует. И какой криминал в заборе?

— А если родимчик хватит слабонервных прохожих, ты станешь отвечать, что ли? — закричал Димка. — Зачем он из своего огорода бастион сделал? Да еще расписал его, как пасхальное яйцо?

— Чтобы соседи за яблоками не лазали, — пробормотал Петр, расставляя миски на дощатом столе, застеленном льняной скатертью.

— Какие соседи?! — остолбенел Сорин. — У тебя же рядом почти никого нет! Или боишься, что древняя бабка, которая молоко носит, станет через забор ночью сигать? Так она на терминатора не тянет! Да и кто шедевр твоего маляра оценит впотьмах, будь там хоть сам Дракула изображен?

— Прошу к столу, — невозмутимо провозгласил Петр, не обращая внимания на Димку. — Все свеженькое!

Это была его любимая мантра, за которой следовало настоящее пиршество. Кроме того, что исходные продукты у Петра всегда отличались свежестью, он умел их изумительно готовить. Блюда, как правило, были простыми, но запеченные на костре и сдобренные только ему известными травами, имели вкус и аромат восхитительный! Петр как — то вскользь обронил, что главное в кулинарии — приправы и время приготовления, и сведения эти он почерпнул из старинной книги, обнаруженной в бабушкином сундуке.

Когда мы поели и перешли к Димкиному любимому десерту, — молоку с белым хлебом и медом, завязалась непринужденная беседа. Поговорили о делах, о погоде, о форели и грядущем урожае слив, который обещал быть умопомрачительным. Сорин поведал Петру о новшествах в меню Автандила.

А затем плавно перешли на Чечню и Петькину службу в армии. Я отвлеклась, и вдруг с изумлением и возрастающей тревогой обнаружила, что тема крутится вокруг взрывов, тротила и бомб. Заметил это и Роднин, и спросил в лоб:

— Я не понял: ты рыбу глушить собираешься или как?

Петр смутился:

— Ну, скажешь тоже! Я браконьером никогда не был, просто навеяло...

— Навеять может стихи, — отрезал Олег, в упор глядя на него — а ты все о взрывчатке...

— Что-то случилось? — поддержал Сорин. — Колись, Петька! Не случайно же ты кремлевскую стену возвел!

— Да ну вас, — обиделся Петр, — уж и поговорить нельзя! Просто к слову пришлось...

Но мы видели, — он что-то не договаривает. А тут еще расписной квадрат на заборе сморщился, потом растянулся и стал превращаться в ромб. Краски на нем поблекли, потом вспыхнули и начали менять цвет...

Я потрясла головой, протерла глаза и снова уставилась на стену: квадрат как квадрат, только легкая рябь пробежала по диагонали. Скосила глаза на ребят: Русецкий сжимал ладонями виски и сосредоточенно всматривался в забор. И тут же поймала встревоженный взгляд Петра.

«Эге, а маляр — то, похоже, непростой рисунок изобразил!» — подумала я, но Олегу с Димкой решила пока ничего не говорить.

— Пора вам, пожалуй, — сказал Петр, поднимаясь. — А то в темноте добираться придется.

Но я видела: он не хочет, чтобы мы с Шуриком стали задавать вопросы о стене.

Начали прощаться. Петр попытался впихнуть нам собойку, но мы категорически отказались:

магазин был от него далеко, а утром, судя по тучам, не исключался дождь, и парень мог остаться без еды.

...Доехали до гостиницы засветло, и Олег побежал в кафе за коньяком, сыром и фруктами: мужчины решили расслабиться. А Сорин с Шуриком принялись складывать съемочную аппаратуру. Но тут Русецкому позвонила знакомая врачиха, он отошел, поворковал, и вернулся, млея от удовольствия.

— А ты со своей докторшей общаешься? — поинтересовалась я у Димки, поскольку ни разу не видела, чтобы он отвечал на звонки. Тот покачал головой.

— Почему? — удивилась я. — Интересная же дама, и на тебя глаз положила!

— Так лень, — с интонациями Петра протянул Сорин. Мы рассмеялись.

Появился Олег, повертел головой и направился к нам. И вдруг замер и снова посмотрел направо. Я подошла:

— В чем дело? Привидение увидел?

— Взгляни, — показал Роднин на панельное желтоватое здание, — верхний правый угол как раз попадает под действие таинственного луча с башни, о котором толковал Автандил.

— Точно! — подтвердил подковылявший Сорин. — Лиза, помнишь, по дороге сюда нам

пастушок не советовал в желтый корпус селиться? Говорил, что там нечисто? Еще наказывал часы сверять и в озере поодиночке не купаться?

— Так что же вы молчали? — удивился Русецкий.

— А что бы это изменило? — огрызнулся Димка. — Мы же ни о каких лучах понятия не имели до разговора с Автандилом!

— А я вам, кстати, говорила, что с углом дома нечисто: такое впечатление, что он — хрупкий, что из него выкачали всю влагу! — торжествующе напомнила я.

— Ну-ка, давайте посмотрим, что получается? — Олег нахмурился, сделал несколько быстрых шагов влево, покрутился на месте и подозвал нас. — Помните большой холм по дороге в «Нестерку»? Видно, луч упирается в него и не касается остальной территории профилактория. То есть, судя по всему, с башни ведется целенаправленное облучение этого места, и, в результате, под него попадает часть панельного здания и озеро.

Мы ошеломленно молчали. Олег напряженно о чем-то думал. Потом Шурик спросил:

— А с рестораном как же?

— Наверное, задевает его по дороге, — предположил Олег. — Но цель-то, видимо, — здешняя территория!

Он казался встревоженным.

— Скорее, цель — весь аномальный треугольник, — поправила я. — Или та его часть, что попадает в зону действия луча.

— Но что же он собой представляет? — изумленно спросил Сорин. — И почему нам Петька об излучении ничего не сказал?

— Так он живет в стороне, — пожал плечами Шурик.

— Ну, и что? Он же с местными общается! А те наверняка что-то знают, не зря отсюда народ сваливать стал. Когда радиация была, — не уезжали, а за последние время, говорят, несколько хуторов как ветром сдуло. И к власти не обращаются, знают, видимо, что бессмысленно!

— Выходит, власть в курсе дела, — твердо сказал Русецкий.

Новость была неприятная и даже опасная. Опасная для здоровья тех, кто здесь жил, и для жизни тех, кто о ней знал. Кто-то проводил чудовищные испытания, и, судя по рассказу Автандила, первые последствия были налицо: несколько трупов и бесследных исчезновений его клиентов, которые, видимо, стали незапланированными издержками.

Но какова их цель? Ученый-шизофреник писал диссертацию, основываясь на уникальных исследованиях? Или те, кто хотел заполучить эту

землю, стремились согнать население с насиженных мест?

Можно было гадать, сколько угодно, и все без толку: мы не знали характера излучения. Но, даже владея такой информацией, не могли бы ею распорядиться, поскольку не имели специального образования.

И вдруг я подумала, что погибший друг Роднина тоже, возможно, стал жертвой эксперимента. Посмотрела на Олега: взгляд его был сосредоточен и холоден.

— Послушай, — сказала я, — почему ты не рассказываешь о своем друге? То, что происходит на башне, может касаться его?

— И что имел в виду смуглый мужик, который нам угрожал? — спросил Сорин. — Почему он заявил, что ты знаешь, кто стоит за всем этим? Мы предъявляем законные претензии к Лизке, но ты нас тоже держишь в неведении, а так нечестно!

Роднин немного подумал и попросил:

— Позвони сначала Петру. Может, он что-то слышал обо всем этом?

Димка достал сотовый.

Петр долго не брал трубку, потом сказал:

— Привет! Как доехали? Что случилось?

— Что ты слышал о башне напротив «Нестерки»?

— Докопались-таки? Я был уверен, что грузин вас просветил.

— До чего мы должны были докапываться, причем, без твоей помощи? И почему сегодня трепались о чем угодно, но только не о главном? И отчего это главное мы узнаем от постороннего человека, а ты — как воды в рот набрал?

— Ребята, — спокойно произнес Петр, — я ведь о башне ничего не знаю. Это правда! Старухи твердят: вурдалаки объявились и сосут кровь из людей, а мужики считают, что все последние смерти связаны с башней. Но что происходит на самом деле, никто объяснить не берется. Местные сообразили, что о чем-то догадывается Автандил, да молчит, видно, очень боится. Или не доверяет никому. Я уже собирался начать разведку, но тут вы появились! А у вас это получится лучше и быстрее. Сами знаете: я состою под надзором полиции, а с нашей районной полицией лучше не связываться, она хуже бандитской шайки. Хотел вам подбросить фактов, да грузин опередил. А ему больше моего известно.

— А ты сам что-нибудь видел? Или слышал? — хмуро спросил Олег.

— Думаю, к башне имеют отношение убийцы Борисевича и твоего друга. Я двоих смуглых мужиков в райцентре в фургончике видел. А ночью этот фургончик в сторону башни направлялся.

— А с чего ты взял, что именно туда?

— Я на речку шел, а там единственная дорога ведет и к башне, и к «Нестерке». Ресторан ночью закрыт, значит, машина шла к башне.

Доктор, ты сам должен знать, что за люди твоего друга убили. Они и тебя убьют, если не прекратишь в одиночку к озеру шляться! Ждешь, пока оно светиться начнет? Так это напрямую связано с башней, и тогда на улицу лучше не выходить. Я тебя в любом случае предупредил бы, просто кое-какую информацию нужно было добыть.

— Если что-нибудь узнаешь, звони, — процедил сквозь зубы Роднин.

— Ладно, а вы будьте осторожнее! Да, чуть не забыл: мужики решили долго не разбираться и башню взорвать.

— Вы что, очумели? — поразился Олег. — Так вот почему ты нам головы взрывами морочил! А откуда у вас динамит: с партизанских времен или все же глушите рыбу?

— Рыбу не глушим, и я тебе об этом сказал, а откуда динамит, неважно. Вы, ребята, про башню скорей узнавайте, а то мужики ее точно ахнут! Их одно удерживает: боятся, что заодно автандилову халабуду разнесут, или ее кирпичами накроет! Так наш учитель математики точные расчеты делает, чтобы чисто сработать. А я с вами сегодня беседу

на эту тему завел, чтобы спорные вопросы выяснить.

— И поэтому пригласил на ужин? — поинтересовалась я.

— Ну, не совсем... — смутился Петр. — Хотя и поэтому тоже. Планировал еще кое — что обсудить, но потом понял, что преждевременно.

— Нет, Петя, Сорин прав: с вами действительно не соскучишься! — Олег вздохнул и передал сотовый Димке. — Народ, даю слово: расскажу все, что знаю, только подождите немного! До этого в здешней истории было много пробелов, а сейчас, похоже, они начинают заполняться. И надо спешить, а то эти идиоты теракт устроят, а потом схлопочут по максимуму!

II

... Ветер заполнял пространство легкой прохладой, тени вытягивались и становились уже, а потом их стерла, как губка, вечерняя синева.

Я стояла у распахнутого окна, а снаружи накатывали волны призрачного, как сон, лунного света.

— Эге, — донесся до меня голос Сорина, — Лизка-то совсем спит! Олег, мы пойдем? А то она до утра проспит стоя, как лошадь.

Мне действительно очень хотелось спать, а

ребятам — выпить и потрепаться. Когда мы поднялись к Роднину, я коньяк лишь пригубила, зато оттянулась на фруктах и шоколаде. А потом потеряла нить разговора, который мне был неинтересен: мужики спорили о преимуществах зимней «резины» для автомобилей.

— Сам ты лошадь! — обиделась я. — Можно подумать, что кому-то интересен ваш треп! Что, мало тем для разговора в свете последних событий?

— Ну, нельзя же все время об одном и том же, — примирительно сказал Олег. — У Автандила говорили, у Петра говорили, надо же хоть немного отвлечься.

— Ну, и отвлекайтесь! — я прихватила коробку с шоколадом и пошла в свой номер.

— Я провожу, — вскочил с места Роднин.

— Не надо, — мрачно отказалась я, понимая, что проводы могут продлиться в моей комнате до утра. — И пить нужно меньше, а то каждый вечер то — то виски, то пиво, то коньяк... Так и спиться недолго.

— Да что с ней случится, — недовольно заметил Димка, не желающий, чтобы распалась компания, — всего-то и делов — спуститься этажом ниже! Будешь отходить ко сну, — звякни. А пьем мы хоть часто, но мало. Причин для этого уйма, и все уважительные.

— Это какие же? — удивилась я.

— Во-первых, природа располагает, во-вторых, — компания, а, в-третьих, спиртное снимает стресс, которого тут навалом.

Я фыркнула и гордо удалилась.

В номере съела несколько конфет, умылась, почистила зубы и нырнула под одеяло. И сразу же провалилась в какой-то длинный туннель. Стены словно дрожали в неровном свете факелов, торчащих из каких — то зажимов, сводчатый потолок был низок, воздух — влажен и свеж...

«Странно, — удивилась я, — значит, где-то есть щели, или недалеко выход...»

В темноте прятались глубокие ниши, но я туда не заглядывала, потому что боялась что — то увидеть.

Туннель повернул направо, и рассеянный, словно сквозь витражи, свет заструился навстречу... Я сделала шаг, и обомлела, — стена была расписана Петькиным маляром: разноцветные волны переливались радугой, серебристые линии изгибались и таяли, и все это излучало ровное сияние, достаточное, чтобы обходиться без факелов.

И вдруг я почувствовала, что ниша, в которую нельзя заглядывать, находится за моей спиной. «Все», — пронеслась обреченная мысль, потому что вряд ли нашелся бы на земле человек, который смог бы устоять перед таким искушением. Я

обернулась и вскрикнула: изображение на шпукатурке ломало все представления обо всем...

Чья-то рука легла мне на плечо, и сердце остановилось.

— Эй, — услышала я и открыла глаза. Сердце сокращалось толчками, удары отдавались в висках, а на меня с тревогой смотрел Сорин.

— Ты чего? — хрипло спросила я. — Что ты тут делаешь? Я же сплю...

— С тобой все в порядке? — Димка положил ладонь мне на лоб. — Ты бледная, и лоб холодный... И почему, кстати, не запираешься?

— Какого черта! — возмущилась я. — Нигде от вас нет покоя. Только уснула, и на тебе!

— Ты хоть знаешь, который час?

Я покосилась на окно: пасмурное утро за ним разливалось светом, похожим на озерную воду. На улице шел дождь. Мне казалось, что я только что уснула, а в реальности прошла целая ночь. Моя память не смогла удержать картину, увиденную во сне, и я не знала плохо это, или же Сорин меня от чего-то спас.

— Кошмар приснился? — Димка склонил голову набок. — Плюнь и разотри. Забудь. Не зацикливайся.

У него была своя теория насчет снов: если не принимать их близко к сердцу, то они и не сбудутся. Но я отдала бы остаток жизни, чтобы

увидеть последний фрагмент сна, и это, видимо, отразилось на моем лице.

Димка внимательно посмотрел на меня:

— Мы собираемся завтракать. Ты спустишься в кафе, или принести кофе в номер?

— Спущусь, — пробормотала я.

— Тогда мы сделаем заказ. Тебе, как всегда?

Я кивнула. Сорин вышел, а я поплелась в душ. И, стоя под упругими струями, пыталась понять: почему дверь, которую я запирала, оказалась открытой? Неужели у меня лунатизм, и все было наяву?

Конечно же, это бред, но я вышла, оделась и осмотрела обувь. Свежей налипшей земли на подошвах не обнаружила и с облегчением вздохнула: наверное, действительно не заперла комнату.

А спустя двадцать минут мы уже обжигались горячим кофе, и мужчины старательно делали вид, что Димка им не насплетничал о моем странном пробуждении.

После завтрака поднялись в комнату к Олегу, ели конфеты из коробки, которую я притащила, болтали о том, о сем, обходя вчерашнюю тему. Наверное, все должно было улечься в наших головах, чтобы появилось единое мнение о стратегии дальнейших действий.

Позвонил Петр. Ему, видимо, было скучно,

потому что мы так и не поняли, что он хотел сказать. Хорошо, что у него остались после вчерашнего ужина продукты, которые он нам пытался навязать: из-за сплошной завесы дождя поход за хлебом насущным превратился бы для парня в настоящий экстрим.

К обеду распогодилось, и мы решили немного поработать.

День стал прозрачным и светлым, влажные листья лоснились, словно атлас, а трава пахла так, что кружилась голова.

Мы наткнулись на живописный некошенный луг с заброшенным домом, колодцем, похожим на печального журавля, и крошечным кладбищем с мраморными крестами и надписями на польском. Судя по ним, здесь нашли свой приют около трехсот лет назад славные шляхтичи, давшие отпор врагам. А что это были за враги, мы так и не поняли: то ли время стерло информацию с плит, то ли близкие храбрых воинов сочли оскорбительным оставлять о них память потомкам.

Вполне возможно, что в земле лежали Хранители, отбившие очередную атаку иноземцев...

Мы решили, что именно этих кадров нам не хватает для полного счастья. И пока Сорин с Русецким выплескивали вдохновение, Роднин зачерпнул полное ведро ледяной вкуснейшей воды,

и мы пили ее, пока не заныли зубы.

— Ничего себе, — удивился подошедший Димка, — и как это удалось с деревянной шпуквиной управиться?

— Это не шпуквина, а журавль, — назидательно заметила я, — тут, наверное, люди бывают, — ведро-то совсем новое!

Потом из него пил Шурик, закончивший работу и погрузивший аппаратуру в машину. Олег наполнил две пластиковые бутылки водой, хотя было понятно, что она хороша только здесь и сейчас, — и отнес их в тойоту.

— Обедать пора! — закричал Димка, глянув на часы.

И спустя сорок минут мы подъезжали к «Нестерке». Машин на стоянке было немного, и это радовало: хотелось тишины и возможности пообщаться, не опасаясь чужих ушей.

Мужчины отправились делать заказ, а мне в туфлю попал камешек. Я присела на бревно, разулась, и, вытряхивая гравий, пыталась визуальнo прикинуть: рухнет башня на «Нестерку» в случае взрыва или нет? Выходило, что рухнет. Своими наблюдениями поделилась с ребятами. Шурик на них не отреагировал, Олег поперхнулся, а Димка возмутился:

— Ты хоть раз поесть дашь спокойно?

Я оценила изобилие на столе: на сей раз повар

порадовал нас лобио и запеченной с лимонами курицей. Как ее готовили, — понятия не имею, но вкуснотища была неопишная! Кофе, мороженое и коньяк принес сам хозяин. Мы ему пододвинули стул, и потекла светская беседа о рецептах экзотических блюд, плавно вырвавшаяся на злодеев, прибравших к рукам башню. И Роднин поинтересовался:

— А как вас пытались отравить? Нам здесь питаться не опасно?

Грузин покачал головой:

— Эти ребята вездесущи, действуют незаметно и целенаправленно. В первый раз подсыпали какой-то дряни в мой любимый коньяк, а во второй отравили куриные грудки, которые я заказал в кафе вашей гостинице и попросил сюда доставить. Знаете, там изумительно готовят птичье филе!

Мы рассмеялись, и Шурик признался в авторстве рецепта. Автандил сходу принял его обхаживать, чтобы выманить семейный секрет. Постепенно перешли на кавказские блюда, и грузин вдруг вспомнил потрясающие хачапури, которыми угощала гостей его жена. Олег послушал и сказал, что пробовал похожие в каком-то горном селении. Автандил машинально исправил название пункта, вздрогнул, побледнел и уставился на Олега. Тот, прищурившись и слегка улыбаясь, в упор смотрел

на него.

Дуэль взглядов длилась секунд десять, затем коммерсант вскочил, извинился и, опрокинув стул, ринулся к себе в кабинет. Роднин встал, сунул руки в карманы и медленно направился следом.

Артур из-за стойки бара напряженно следил за сценой. Мы ничего не понимали.

Олег появился спустя четверть часа. Сел за столик, кивнул бармену и тот принес еще кофе.

— Теперь все действительно начинает складываться, — удовлетворенно заключил он. Отхлебнул из чашки и стал рассказывать.

* * *

... Однажды в Чечне Роднина попросили слетать в ущелье, где погибла группа военных. Начальство что-то невнятно мямлило, и Олег понял, что должен высказаться по поводу причины их смерти. И удивился, потому что на войне погибают, как правило, от взрывов и выстрелов.

Но тут ситуация оказалась иной: Роднин не нашел на мертвых ни единой царапины. А потом он с группой военврачей был на вскрытии. Результаты ошеломили! Весь отряд... просто умер. Сразу и внезапно у людей вдруг остановилось сердце! Провели уйму исследований, но ни газ, ни прочие отравляющие вещества не могли стать причиной

массовой гибели. Изучали другие возможности, и одну за другой отметали. И тогда решили: у противника появилось какое-то новое секретное, очень страшное оружие. И его необходимо найти.

В числе тех, кто участвовал в поисках, были и двое друзей Роднина. Опрашивалось население, осматривались окрестности. И вдруг полностью вымерло небольшое селение. Симптомы были точно такие же. Спецслужбы пришли в замешательство: среди умерших были и родственники тех, кто ушел в горы...

А спустя неделю на берегу речки федералы нашли отряд мертвых боевиков. И это уже не лезло ни в какие ворота! Солдаты вспоминали ужастик «Чужой» со Шварценеггером в главной роли и шептались о пришельцах, которым все равно, кого мочить. Но тут смерти неожиданно прекратились. Спецслужбам от этого легче не стало: не испарилось же загадочное оружие?! А вот где его искать...

— А причем тут Автандил? — не выдержал заморожено слушавший Димка.

— Его жена была родом из погибшего селения и незадолго до трагедии приехала туда погостить вместе с детьми. В общем, они погибли.

— И Автандил...?

— Поклялся отомстить. И по каким-то своим

каналам вышел на эту местность. Купил весной ресторан, наблюдал, собирал информацию. А когда понял, что на верном пути, сообразил: в одиночку ему не справиться, на милицию надежды нет, поэтому и решил привлечь нас. Тем более, что мой друг тоже искал это оружие.

— А ты участвовал в поисках?

— Давайте расскажу по порядку.

Друзей Роднина, которые охотились за неизвестным устройством, звали Михаил Савченко и Борис Бородин. Оба были технарями, имели по два высших образования. Михаил служил в действующей армии, Борис — в разведке, как мы поняли — в ГРУ или в какой-то структуре типа этого. «Собирал экономические и научные сведения», — пояснил Олег. «Занимался научным и экономическим шпионажем», — уточнил Димка.

Оба офицера вошли в специальную группу, которая была создана для поисков нового оружия, и случайно или целенаправленно Михаил оказался в Ружевицах на отдыхе.

Роднин собирался на симпозиум за рубеж, как вдруг позвонил Бородин, сообщил о смерти Савченко, который, якобы, утонул в озере, и попросил срочно прибыть в наш город. Олег отложил все дела и примчался. И Борис попросил его съездить в Ружевицы, чтобы выяснить

обстоятельства гибели друга. Вскрытие показало, что у того было слабое сердце, а это не соответствовало действительности. По ходатайству Бородина кремацию отложили, и в присутствии Роднина должна была состояться повторная экспертиза. Силовики хотели удостовериться, что смерть Михаила не связана с оружием, за которым тот охотился. Из соответствующих военных структур позвонили в медицинские, Роднину вручили разрешительные документы и он отбыл в Ружевици.

При его появлении в неизвестном направлении слинял главврач профилактория, где жил Михаил, и испарился практикант, делавший вскрытие.

Повторная процедура Роднина озадачила:

— Картина, вроде, была такая же, как на Кавказе, но я заметил и серьезные различия. И это меня сбilo с толку: не было уверенности, что речь идет о том же самом оружии! Я решил, что причина, возможно, в чем-то другом, и остался, чтобы разобраться. А теперь, благодаря Лизе, понял: Мишку бросили в озеро, когда тот еще был жив. И озеро пытались его реанимировать.

— О чем ты?! — изумился Русецкий.

И Олег рассказал им о нашем купании и живых волнах, которые выплескивались на берег.

— Ну, ребята, с вами веселее, чем с

Петькой! — покрутил головой Сорин.

— Это правда, — спокойно сказала я. И мужчины, озадаченно переглянувшись, притихли.

— Все это время я не только лечил, оперировал, консультировал, но и вел исследования, присутствовал при вскрытиях, — продолжал Олег — И собрал уникальнейший материал. А вы с помощью Автандила помогли обнаружить оружие и сделать потрясающий вывод: местность пытается нейтрализовать его действие! И это видно по моим пациентам. А главную роль тут играет, по-моему, озеро.

Его прервал бармен. Он подошел к столику, протянул увесистый сверток и, улыбаясь, сообщил, что это нам на ужин.

— Взятка? — негодуя спросила я.

— Угощение, — заржал Артур. И, давясь смехом, резонно спросил: — А за что вам взятку давать? Вы ж не санстанция, не энергонadzор, и даже не налоговая инспекция! Это шеф передал наши новые деликатесы на пробу!

И, скаля зубы, отбыл за свою стойку.

— Ох, чую, Автандил нас вместо подопытных кроликов использует! — обеспокоенно сказал Сорин.

До Артура, видно, донесли Димкины опасения, и бывшего десантника скрутил новый приступ веселья.

— Эх его разбирает, — с досадой заметил Димка. — Не к добру!

Мы вывалили на улицу, и он поинтересовался:

— Олег, а что это все-таки за излучатель?

— А это не излучатель, — спокойно сказал Роднин, распахивая передо мной дверцу тойоты, — это поглотитель.

— Что?! — разинули мы рты.

— Поглотитель энергии, — невозмутимо пояснил Олег и осторожно впихнул меня в машину.

III

Солнце скатывалось к горизонту, воздух был чист и влажен, птичьи хоры последними трелями заполняли эфир. Ситуация вокруг нас раскручивалась с бешеной скоростью, но оставалось еще много неясного.

— Какую же энергию поглощает оружие? — недоумевал ошарашенный Димка.

— Любую, — сказал Олег.

— Нет, я не понял: физическую, биологическую, электрическую или еще какую-то?

— А какие виды ты еще знаешь? — поинтересовался Русецкий. — И что такое, по-твоему, физическая энергия?

В его голосе звучал сарказм.

— Любую, — повторил Роднин. — Ребята, я

не физик, и объяснить вам толком ничего не сумею, для меня самого это загадка. Но только бабкины сказки о вурдалаках имеют под собой реальную основу: из людей выкачивается не кровь, а жизненная энергия, и все органы перестают работать.

— Прана, что ли? — недоверчиво спросил Сорин. — Китайцы ее ци называют?

— А на Гавайях — мана, — блеснула я эрудиций.

Шурик с Олегом переглянулись.

— Ну, и что смешного? — обиделась я.

— Видишь ли, — спокойно сказал Русецкий, — энергия ци разлита везде и считается физической энергией Земли. Кроме нее существуют еще энергии дзин и шен, которые соответствуют Человеку и Небу. Дзин — энергия творчества и любви, а шен — энергия Духа, которая проявляется в нашей жизни, прежде всего, как ритм.

— Троица? — хмуро уточнила я.

— Ну, да. В любой религии присутствует троица, и это не случайно. И с ци тоже не все просто, потому что она, в свою очередь, делится на ци-ци, ци-дзин и ци-шен. Если человек использует только ци-ци, — он примитивен, для него главное поесть и поспать. Тому же, кто дорос до ци-дзин, — знакомы основы творчества, ну, а умеющий использовать ци-шен, и вовсе гармоничная

личность. И если энергия ци подчиняется законам времени, то энергия дзин — законам пространства.

— Короче, научись пользоваться ци-шен, — и достигнешь совершенства, — нетерпеливо перебил Димка. — Хватит лекций! Олег, а как шгуковина, о которой ты рассказываешь, энергию выкачивает?

Роднин покачал головой:

— Шура знает о взгляде даосизма на энергии, потому что занимался восточными единоборствами, но и остальным с этим не мешало бы ознакомиться: здорово помогает в жизни! Кстати, умение пользоваться энергией ци-шен — далеко не предел, а, скорее, только начало развития гармонической личности. На более высоких уровнях человек способен управлять не только своей энергией, но и энергией окружающих людей, а также энергией пространства вокруг себя.

Что же касается принципа действия поглотителя, то, не говоря уже о даосизме, физика, биология и прочие естественные науки, наверное, могли бы этот процесс как-нибудь объяснить. Возможно, что-то происходит на клеточном уровне, на уровне элементарных частиц, то есть один вид энергии преобразуется в другой... А, может, это связано с измерениями? В квантовой физике, вроде, существует более тридцати измерений? Впрочем, я этой темой не владею, а если бы и владел, то все равно у вас не хватило бы знаний, чтобы понять

весь механизм.

— Зато у нас есть логика и воображение! — похвастался Димка.

— Да уж, чего-чего, а этого у вас не отнять! — хмыкнул Олег. — Кстати, местность на Кавказе, где погибали люди, менялась до неузнаваемости: вода, растения, даже камни.

— Из них высасывалась жизнь, — заметила я, — как из панельного здания в профилактории.

— Думаю, создается мощное энергетическое поле и с материей что — то происходит. И устройство, подобно гигантскому пылесосу всасывает образовавшиеся тонкие поля... А поля эти составляют основу существования живых существ и неорганических предметов, — вдохновенно фантазировал Димка. — Но аномальная Зона в ответ на атаки не чахнет, а защищается, активизируя скрытые ресурсы. Отсюда и уникальные свойства озера, и купол на небе.

Я смотрела в окно и думала, что гигантский пылесос, высасывающий жизнь из людей и камней, мифическое кольцо, истребление Хранителей, колодцы, загадочный архив, деятельность Роднина как-то связаны между собой. И опять у меня появилось смутное предчувствие, что все мы здесь в одно время собрались не случайно.

Олег сидел впереди и бросал на меня беспокойные взгляды в зеркало заднего вида. Нам

здорово досталось за последние дни, даже для мужчин это было слишком, а что уже говорить обо мне? А тут еще информация о смертельно опасном устройстве, воздействие которого мне, похоже, довелось на себе испытать! И, чтобы успокоить его, я бодро поинтересовалась:

— Но коль аппарат поглощает энергию, значит, и должен ее накапливать? То есть, действовать, как солнечная батарея или конденсатор? А если он ее сохраняет, значит, вынужден куда-то перебрасывать? Или ударять энергетическими импульсами, посылать мощные энергетические удары? И еще ему, видимо, нужен изначальный заряд, преобразующий поля, о которых ты говорил? Хотя на топливе из колодцев прибор сможет работать как конвейер: разлагать мир на составные части и высасывать из него жизнь! Жуть!! А кто, кстати, сконструировал эту штуковину?

Явно гордясь моей сообразительностью, Олег принялся объяснять:

— Создала поглотитель группа талантливых ученых. В 90-х они были совсем зелеными. Их первыми сокращали в производственных и научных структурах, а если и оставляли, то платили сущие копейки. А они знали, как решить энергетический кризис на планете. Или думали, что знают. И утверждали, что энергию можно накапливать и

преобразовывать не только известными методами. Есть способ извлекать ее абсолютно из всего, вплоть до вакуума, и перебрасывать из одного уголка Земли, и даже Вселенной, в другой! Причем, без лишних затрат и хлопот. Бородин вышел на их бывших коллег, и те многое рассказали об изобретателях.

— Так их имена известны?

— А толку? Следы-то все равно отыскать не удастся! Может, эти парни сейчас в джунглях Амазонки?

— Погоди, Олег, — сказала я, — но они, вероятнее всего, сами испытывали свое детище на Кавказе? Иначе жертвы отбирались бы по каким-то определенным признакам: политическим, религиозным и так далее? А здесь очевиден чисто научный, конструктивный подход: ничего личного, главное, аппаратуру проверить!

— Психологически верно, — кивнул Роднин, — но окончательные выводы делать рано. Беда в том, что мы все время на несколько шагов отстаем от изобретателей. Когда-то они искали финансирование под свои разработки и, в конечном итоге, видимо, нашли. Правда, неизвестно, где и у кого. Мишка и Борис говорили, что речь идет уже не о прототипе, а о втором или даже третьем поколении прибора. И неизвестно, который из них здесь испытывается? Мне, например, попадались на

вскрытии люди, погибшие от мощного энергетического удара: у них кровь в сосудах была практически сварена! То есть, речь идет не только о поглощении и накоплении энергии, но и об ее дальнейшем использовании, о чем ты сейчас говорила.

Шурик задумчиво покачал головой:

— Выходит, что в комплексе, поглотитель и излучатель...

— Представляют собой мощнейшее оружие, не требующее подзарядки, — подхватил Олег. — Кроме первоначального заряда. Полагаю, что это не два отдельных прибора, а усовершенствованный один, который может поглощать энергию, а затем ее излучать.

— Ничего себе! — присвистнул Димка. — И ты об этом молчал? Все носил в себе?

— А что я должен был рассказывать? У вас своих проблем мало? Тем более, что общая картина никак не складывалась, поскольку я не учитывал влияние местности. А после вашего приезда все стало постепенно проясняться.

— Зона для испытаний, стало быть, выбрана не случайно, — подумав, сказал Сорин. — Здесь можно совершенствовать оружие и увеличивать его мощность, поскольку вся природа противостоит такому вмешательству. А, кроме того, выводить расу сверхлюдей, которым, при помощи местности,

скоро будут по барабану любые энергетические удары!

И через паузу добавил:

— Или же расу идиотов. Зомби с ошпаренными мозгами!

Олег вздрогнул и с изумлением воззрился на Димку. Но тот уже отвлекся от интеллектуальной тематики. Втихоря сунув пальцы в презент Автандила, он внимательно их рассматривал и обнюхивал, намереваясь лизнуть. Роднин покачал головой и заржал:

— Нет, ребята, с вами точно не соскучишься! Выпалите идею, и пошли дальше, как ни в чем не бывало!

— Да он сейчас всю собойку слопает! — возмущенно заголосил Русецкий, заметив хитрые манипуляции Димки.

— Я не лопаю, а ставлю эксперимент на себе для вашей же безопасности, — с достоинством заявил Сорин, проглотив кусок. — Можно сказать, рисковую жизнью ради друзей! Сейчас всего понемножку испробую, и если через пару часов не помру, можете доедать то, что останется.

Я от смеха стала тихо сползать с сиденья, а Шурик чуть не врезался в столб. Во избежание дальнейших эксцессов Димка потребовал остановить машину и заставил нас продегустировать деликатесы. После чего сообщил,

что использовать такую обалденную закуску на ужин — кощунство и надругательство над вкусами настоящих гурманов. Олег с Русецким выразили солидарность, а я промолчала, поскольку хотела спать.

Мне пришло в голову, что поглотитель здесь появился еще по одной причине: если откупорить все колодцы, оттуда можно столько энергии накачать, что никаких полезных ископаемых не надо! И буровое оборудование, и странные экскаваторы, которые собирается выпускать новое СП, возможно, предназначены для первой фазы работ. Остальной же грунт планируется пробивать энергетическими импульсами, о которых мы только что говорили. И тогда на планете может произойти долгожданная энергетическая революция, если, конечно, источники энергии не захватит ограниченная группа людей. А именно к этому, похоже, и шло. В таком случае тоже возникнут предпосылки для революции, но последствия ее могут быть ужасными для человечества! Может, это и имел в виду Балабанов, намекая на то, что Зона может стать смертельным оружием?

— Резон, безусловно, в этом есть, — согласился со мной Шурик, — хотя планетарными масштабами увлекаться не следует. Мы ведь пока ничего не знаем, и поэтому давайте мыслить привычными категориями. Мне, например,

непонятно: неужели все эти буры и экскаваторы конструировались вслепую? Или их авторы все-таки видели колодцы? Остальные тоже реально обнаружить, как тот, что на Петькином огороде?

Я покачала головой:

— Таких всего пара, не больше. Может, на основании их и создавались машины?

— А, может, кто-то владеет теоретической информацией? — предположил Димка. — Или видел что-то подобное в других широтах? Ребята, события раскручиваются все быстрее! Скоро для оборудования понадобится фронт работ, и тогда за керамической картой начнется большая охота!

Олег бросил на меня обеспокоенный взгляд.

— Кстати, Лиза, — спросил Русецкий, — а как вы с погибшим Виктором вычислили координаты Архива?

— Виктор соединил колодцы силовыми линиями и определил примерную разницу в их мощности. Применил какие-то формулы и пришел к выводу, что в данной точке должен находиться мощный энергетический центр. Он предположил, что энергия его периодически, как бы, выплескивается наружу, и сила ее так велика, что может испепелять камни. И по отсутствию блеска можно определить, какие из них подвергались воздействию таких импульсов. Возможно, это происходит, когда кто-то пытается «взломать»

Архив, и тому приходится защищаться... А, может, по каким-то другим причинам. В общем, историк оказался прав: некоторые осколки на ваших глазах рассыпались в пыль. Не исключено, что попыток добраться до информации за столетия накопилось немало, и строения рядом с Архивом постепенно разрушались из-за подобных всплесков...

Но я умолчала о том, что у Виктора получилось два энергетических центра, и второй совпадал... с озером! Ученый нервничал, говорил, что такого не может быть, а потом посоветовал о втором центре забыть, пока не появятся убедительные доказательства его существования. Для начала же следовало отыскать хотя бы тот, что в руинах.

— Значит, за картой начнется очень большая охота! — подытожил мои слова Димка и зашуршал пакетом.

Олег, напряженно внимавший нам, задергался, а Шурик сказал:

— По-моему, в этой местности сошлись интересы разных людей. Мы забываем еще об одной способности поглотителя: с помощью этой энергетической пушки, наверное, можно заставить резонировать колодцы, чтобы превратить их в грозное оружие. Вспомните рассказ Петра про органные трубы! Возможно, Балабанов подразумевал такой вариант?

— А на фига это надо? — жуя, встрял Димка. — Поглотитель без всякой пальбы и взрывов способен сделать из планеты пустыню! А еще лучше настроить его на нужные частоты и избавиться от лишнего населения, не касаясь материальных ценностей. А заодно накопить приличные запасы энергии. Безотходное производство, Гитлер бы от тоски повесился! Между прочим, элементарная логика подсказывает: если материя превращается в энергию, скажем, при термоядерном взрыве, то из энергии при определенных условиях тоже можно создать материю. Конкретный исторический пример: Феникс, упрямо восстающий из пепла! Издевательство, конечно, над птицей, но впечатляет! Наши предки знали, как это делается. Так почему бы не предположить, что какой-то псих решил выкачать существующую энергию, чтобы создать из нее новый материальный мир, который будет его устраивать гораздо больше?

Шурик опять едва не врезался в столб, а Димка с досадой заметил:

— Русецкий, не обезьянничай и не копируй мой стиль вождения!

Мы расхохотались. А потом я спросила у Олега:

— Если изобретателей поглотителя вычислить невозможно, значит, они его продали?

Роднин кивнул:

— Эти-то покупатели Бородину и нужны: через них он хочет выйти на авторов изобретения. Были сведения, что аппарат приобрела какая-то террористическая организация, а потом кому-то снова перепродала. Вопрос: кому и зачем?

— Так это же элементарно, — пробормотал Димка с набитым ртом. — Террористам нужно было испытать прибор в аномальной зоне, а ходу сюда не было. Поэтому поглотитель купили ребята, которые могут здесь официально появляться в роли обычных коммерсантов, организовавших кафе! Но тут другой вопрос возникает: как они будут делить результаты исследований? Заключено ли между ними джентльменское соглашение?

— А на основании результатов можно внести коррективы в прибор нового поколения, усилить его свойства — подхватила я. — А это значит, что у покупателей и впрямь есть выход на его авторов!

— Между прибором и колодцами связь очевидна, — задумчиво сказал Роднин. — Между колодцами и Архивом тоже. Но связаны ли Архив и поглотитель напрямую?

— Элементарно! — вскричал Сорин, и тойота вильнула. — Владельцы поглотителя хотят всосать Архив в свой пылесос, потому что Виктор был прав: информация — это тоже энергия, причем, мощнейшая!

— Да нет, я читал, что информацию передает какая-то субстанция типа эфира, обладающая энергией, — поправил его Шурик.

— Вранье! — авторитетно заявил Димка. — Просто ученые не докопались до истины! Информация — это один из видов энергии, а энергия — разновидность материи, значит, марксисты-материалисты, они же ленинцы правы: Вселенная состоит исключительно из материи. Выходит, любую ее часть поглотитель может всосать, в том числе информационную!

— Я с вами с ума сойду, — признался Роднин. — Дима, убавь пыл, а то договоришься до таких радужных перспектив, что нам самим повеситься захочется.

— Это на него так еда действует, — буркнул Шурик. — Слишком много материи, — значит, слишком много энергии. Отберите у него собойку!

... Асфальт подсыхал. От леса к шоссе тянулись длинные тени. Близился вечер.

Русецкий собирался сворачивать на более короткую дорогу к гостинице, как вдруг впереди мы увидели скопление машин. Среди них белела «скорая помощь».

— Шура, давай туда! — скомандовал Олег.

Бороться с его чувством профессионального долга было бессмысленно, и мы подъехали ближе.

Зрелище было жуткое! Фольксваген врезался в лесовоз и разбился всмятку. Видимо, легковушку занесло на повороте: асфальт был влажный и водитель не справился с управлением. Он лежал без сознания на носилках, которые санитары устанавливали в «скорой помощи».

Молодая женщина, судя по всему, его жена с совершенно белым лицом и запекшейся кровью на щеке стояла, прижав кулаки к груди, и, не мигая, смотрела на траву. Ее с двух сторон поддерживали дюжие мужики, видно, проезжавшие дальнобойщики.

Мы подошли ближе.

На траве, разбросав руки, спал мальчуган лет восьми. Глаза его были закрыты. И лишь в следующий момент я сообразила, что мальчик мертв. Над ним склонился врач. Обернулся, обвел всех беспомощным взглядом и покачал головой.

Женщина молча смотрела на сына.

Роднин шагнул к врачу, отрывисто о чем-то спросил и властно приказал:

— Всем отойти!

Люди попятились, женщина не шелохнулась.

— Я сказал: всем! — жестко повторил Олег.

Женщину взяли под руки дальнобойщики и осторожно отвели в сторону.

Роднин опустил на колени, расстегнул на ребенке рубашку, положил одну руку ему на грудь,

вторую на лоб и замер.

Он стоял к нам спиной, и мы не видели, что происходит. Но мне показалось, что воздух вокруг него сгустился и начал слегка дрожать и светиться. Ребята потом подтвердили это.

Прошла минута, другая. Все молчали.

Олег встал с колен, наклонился, поднял мальчика и понес к женщине. Та сдавленно вскрикнула и попятилась. Роднин растерянно огляделся и протянул мальчика дальнобойщику. И тут мы увидели, что ребенок открыл глаза. Олега пошатывало. Сорин с Шуриком мгновенно оказались рядом, положили руки ему на плечи и повели к машине. Сзади раздался звериный вопль. Роднин вздрогнул и остановился. Мы оглянулись. Народ молча смотрел вслед Олегу, а нас догоняла мать. Она упала на асфальт, обхватила ноги Роднина и стала целовать ему колени. У Олега на лице появилась гримаса стыда и боли. Он попытался поднять женщину. Она ухватила его за руку и стала покрывать поцелуями ладонь. Олег бросил на ребят взгляд, полный отчаянья.

Шурик подошел к женщине, отцепил ее от Олега, поднял и стал шептать на ухо что — то успокаивающее. Димка махнул рукой врачу. Тот помотал головой, стряхивая оцепенение, бросился к женщине, обнял ее за плечи и повел к сыну. Та еще пару раз порывалась бежать за Родниным, но

подросли дальнобойщики, опять подхватили ее под руки, а мы вскочили в тойоту. Олега усадили на заднее сиденье, Димка сел впереди, и Шурик нажал на газ.

Машина свернула на лесную дорогу. Все молчали. Олег откинул голову на спинку сиденья и закрыл глаза. Лицо его приобрело голубоватый оттенок. Я осторожно погладила Роднина по щеке. Он скривился и отпрянул. И тогда я решительно положила его голову к себе на плечо, и стала гладить его волосы и шептать на ухо какую-то ерунду, которую шепчут напуганным и обиженным детям. И почувствовала, как уходит из него напряжение, а дыхание становится ровным и спокойным. И поняла, что Олег задремал.

Мы подъехали к гостинице и минут двадцать безмолвно сидели в машине, чтобы дать ему хоть немного поспать. Наконец он зашевелился и что-то забормотал. Потом открыл глаза и спросил:

— Я уснул?

И все вздохнули с облегчением. И стали шутить и спорить, что лучше купить на вечер: коньяк или виски? Остановились на виски. Олег вылез из машины, зевнул, потянулся, и я опять поразилась, как легко он пришел в норму. Но заглянула в лицо и увидела, что кожа его совсем истончилась, лицо осунулось, а глаза в ореоле теней стали пугающе огромными.

Мужчины вернулись с припасами из кафе, забрали остатки собойки, заперли машину и поднялись к Олегу. Я поняла, что они решили избавить его от малейших усилий, и подумала, что всем нам завтра надо поплавать в озере.

Шурик накрыл на стол, Димка все разложил и нарезал, и мы сели ужинать. Олега заставили дважды выпить и хорошенько закусить. Это был не самый здоровый способ прийти в себя, но зато испытанный и надежный. И мы увидели, что Роднин, наконец-то расслабился. Но, как не пытались ребята в своих разговорах обтекать случай на шоссе, спустя полчаса беседа все-таки вырулила к нему.

— Олег, по-моему, это было чудо, — сказал Шурик, тактично пытаюсь нащупать почву для продолжения темы.

— Но эдак тебя надолго не хватит, — покачал головой Сорин.

А я добавила:

— Поешь, как следует!

Роднин выслушал всех, усмехнулся, и устало произнес:

— Не терпится узнать, как это мне удалось?

— Прежде всего, зачем тебе вообще понадобилось этим заниматься? — оживился Димка. — Ты же блестящий нейрохирург! На фигура еще дополнительная головная боль?

И осторожно поинтересовался:

— Или это из-за работы отца?

Олег пожал плечами:

— В нашем роду было много поколений врачей, причем, в основном психиатров. Ну, а если копнуть вглубь веков, то среди моих предков встречались не только придворные лекари, но и алхимики, чернокнижники, даже маги. Так что я себя не мыслил без медицины. Отец поддерживал меня, но старался увести подальше от психиатрии, зная, что в наше время это может добром не кончиться.

IV

И Роднин заговорил о детстве.

В мире, где он вырос, рассуждали о тайнах психики и возможностях мозга. И это звучало для него, как сказка. В огромной семейной библиотеке хранились научные труды и старые фолианты на разных языках о тайных мистических обществах, древних верованиях различных народов, по теории и практике магии. А среди них, на арабском, старинное издание Изумрудной скрижали Гермеса Трисмегиста, которого еще называют египетским богом Тотом. В этом небольшом трактате в иносказательной, сжатой форме излагалось все оккультное учение.

Мы внимали Олегу, раскрыв рты. Он слегка улыбнулся и продолжал:

— Именно Гермес сказал: «То, что находится внизу, подобно находящемуся наверху. И то, что находится наверху, подобно находящемуся внизу, ради выполнения чуда триединства».

— Да я тебе после двух рюмок еще не таких истин накидаю! — радостно воскликнул Димка.

А Шурик спросил:

— И что это значит?

— Это важнейший принцип мироздания. Три мира: астральный, духовный и физический проникают друг в друга в большей или меньшей степени. А связующим элементом является принцип аналогии.

— Ничего не понял! — признался Сорин.

— Во-первых, и атом, и человек, и Вселенная взаимосвязаны, представляют единый организм и живут по одним законам. Недаром в древности говорили: познай себя, и ты познаешь весь мир! То есть, как внизу, так и наверху. Аналогично. Во-вторых, как ты сам недавно подчеркивал, все материально, даже психическая энергия. Только она менее плотная, чем физическая, и поэтому может проникать в физические тела.

— Как излучение, — подсказала я.

— Пусть будет, как излучение, — пожал плечами Олег. — В-третьих, все вибрирует, а,

значит, живет. Но у каждого — своя вибрация, это как отпечатки пальцев, и между теми, у кого они близки, возникает симпатия, хотя для этого, наверное, есть и другие причины. А, учитывая, что, по мнению эзотериков, духовный и астральный миры тоже населены, то между всеми элементами, живущими в них, а также между одушевленными и неодушевленными предметами физического мира существует психическая связь. И тайное соотношение симпатии и антипатии. Но уловить и определить все это может только специально подготовленный человек.

— И использовать? — спросила я.

— Разумеется.

— А ты можешь?

— Ребята, я же не маг, я врач. Просто считаю, что нельзя отрубать и выбрасывать знания, которыми владели умнейшие люди в древности. Великий Парацельс когда-то сказал: «То, что в одном веке считается мистикой, в другом становится знанием». Так что все это необходимо изучать, а не отрицать.

— И ты изучал? — спросила я.

— По мере возможности и надобности. Но я бы продолжил Парацельса: то, что в одном веке считается знанием, в другом расценивается как мистика. Это когда речь идет о деградации человечества. А вдруг оно развивается не по

спирали, а по синусоиде? И на пике развития не достигает уровня знаний предыдущих цивилизаций? Хорошо, хоть народу удается сохранить крупицы старинной мудрости.

— Это ты о чем? — заинтересовался Шурик.

— Ну, в народе, к примеру, считают, что все болезни от нервов! Или это фраза из анекдота? Впрочем, неважно, поскольку она точно формулирует главное: заболевания возникают сначала на психическом уровне. То есть, физический и духовный мир действительно проникают друг в друга, хотя многие и относятся к этому скептически. Тем не менее, за тайными знаниями охотились во все времена, причем, именно те, кто их официально отрицал.

— И ты ими владеешь? Поэтому за тобой тоже охотятся? — затаив дыхание, спросила я.

— О, Господи, да ими нельзя овладеть за всю жизнь! — с досадой сказал Олег. — По крайней мере, врачу, у которого уйму времени забирает практика. А я кое-кого интересую совсем по другой причине. Но об этом говорить сегодня не хочется.

— А как ты смог оживить мальчика? — не выдержал Димка.

— Слишком мало времени прошло с момента остановки сердца, поэтому мне удалось запустить его.

— А почему врач не использовал

дефибриллятор?

— Он бы не помог. Нужно было активизировать все органы сразу, и, в первую очередь, мозг и сердце.

— А что за метод ты использовал? — спросил Русецкий.

— Это древние восточные технологии, которыми владели мои предки.

За окном плавала темень. Ветки чертили на стекле тайные знаки. В комнате царило молчание.

Олег плеснул себе виски, выпил, проглотил кусочек чего-то рыбного и удивительно вкусного из даров Автандила. Потом сказал:

— Даже при лечении кремлевских бонз и их родственников, порой, использовались лекарства, изготовленные по средневековым рецептам.

— Кого ты имеешь в виду? — удивился Шурик.

— Мать Берии. Правда, лечащий врач потом умер.

— Видно, плохо лечил, — засмеялся Димка.

— Наоборот! — возразил Олег. — Говорят, он ее спас от рака. Мне эту историю старые доктора рассказывали. Некий врач решил испытать, насколько эффективны снадобья средневековых алхимиков: варил лягушек, добавлял в отвар дикие, по нашим меркам, ингредиенты... И, в результате,

получил эликсир, излечивающий туберкулез, онкологию и трофические язвы. В начале 50-х его испытывали в больницах Москвы и в Кремлевке. Разумеется, негласно. Но однажды доктора увезли, лабораторию закрыли, и состав эликсира остался тайной.

А еще американская разведка раскопала сведения о средстве против рака, найденном учеными из «Аненербе». Те же, как известно, черпали знания из наследия предков в самом прямом смысле этого слова. Да таких примеров сколько угодно!

— Олег, — напомнила я, — ты нам зубы не заговаривай! Речь идет о психологических методах, которыми ты владеешь, а не о средневековых зельях. И о том, что никакого здоровья твоего не хватит, если будешь им так разбрасываться!

— На себя в зеркало глянь, — буркнул Димка, — сплошной бедный Йорик: череп, обтянутый кожей да глазницы! Я понимаю, что надо спасти человечество, но не до такой же степени. Нужно и о себе хоть иногда думать!

Роднин поднялся, прошелся по комнате, остановился напротив окна. Сунул руки в карманы, покачался на носках и с горечью произнес:

— Да что вы обо мне знаете? Я не человечество спасаю, я грехи замаливаю. У меня все шкафы забиты скелетами!

В его голосе звучала такая боль, что мы растерянно переглянулись. И в груди у меня стало пусто и холодно.

— Ты о Чечне? — тихо спросил Русецкий.

Олег, не оборачиваясь, кивнул.

И тогда я, стараясь казаться спокойной, сказала:

— Никто из нас не поверит, что ты сознательно кому-то причинил вред. Но если тебя что — то гложет, расскажи об этом! Может, удастся вычислить твоих врагов?

— А чего их вычислять? — каким — то скрипучим смехом рассмеялся Олег, — Я их и так знаю!

Подошел к столу, налил в стакан виски и залпом выпил. Опустился в кресло, закурил сигарету, выдохнул дым:

— В мои обязанности входило присутствовать на допросах и при помощи пси-технологий извлекать информацию из подсознания пленных. С боевиками работали опытные психологи. Часто к такому ничего не подозревающему парню «подсеяли» вторую личность и влияли непосредственно на нее. Чтобы понять механизм действия научных достижений, я бы советовал обращаться к сказкам. Помните о старинных заклятиях? Братья Гримм рассказали о принцессе, на которую, вместе со всем ее замком, наложила

заклятие разобиженная колдунья. И весь замок заснул на долгие-долгие годы. И никто не мог расколдовать его, кроме самой колдуньи.

— А потом явился принц, — подхватила я, — поцеловал принцессу, и все проснулись! Об этом, кстати, и у Пушкина есть в сказке о спящей царевне, которую в хрустальном гробу целовал царевич Елисей.

— Б-р-р! — содрогнулся Димка. — Сплошная некрофилия! Только извращенцы называют ее любовной романтикой!

Олег засмеялся:

— Это не столько любовная романтика, сколько элементарное применение пси-технологий. Опытный психолог закодировал принцессу вместе со всей ее челядью, и чтобы снять программу, нужен был код, который знал только он. Но более сильный специалист сумел найти ключ и решить проблему.

Мне тоже удалось создать универсальный ключ, но тот, к сожалению, подходил не стопроцентно. И тогда я вынужден был на «чужое заклиние» «накладывать» свое, более сильное. Зная восточные языки, результаты последних исследований и древние техники, я составлял для этого уникальнейшие программы.

— Ты их перепрограммировал?

— Не совсем. Скорее, применял новую

программу, код от которой знал только я. Ведь к одному человеку можно подселить сразу несколько личностей! Это небезопасно для психики пациентов, но другого выхода не было, иначе они продолжали бы выполнять прежнюю программу. Кстати, программированием людей наши спецслужбы успешно занимались еще в 30-х годах.

И я вдруг подумала, что сталинские судебные процессы точно не обошлись без применения пси-технологий.

— И эти ребята использовались уже нашими против боевиков? — спросил напряженно внимавший Шурик.

Олег кивнул:

— А перепрограммировал я только ту часть пленных, к которым подходил мой ключ: заменял прежнюю «подселенную» личность новой. И они тоже выполняли наши задания. Но с некоторых просто снимал «заклятие»: дальнейшее манипулирование их подсознанием было недопустимо. А я, как-никак, врач, хоть и работал на спецслужбы.

— И где сейчас эти парни? — тихо спросила я.

Олег лишь пожал плечами.

— Ты хочешь сказать, что часть пленных ты практически спас, освободив их от действия прежней программы?

Олег снова кивнул.

— Но где-то бродит целая армия потенциальных убийц и террористов, которых ты создал? И они готовы выполнить любую твою команду? И сразу забыть об этом?

Олег подошел к окну и, глядя куда-то в темное небо, закурил новую сигарету.

Мы молчали. Потом Димка спросил:

— А наши этот код знают? Или как там у вас это называется? В общем, кто-то еще, кроме тебя, может отдавать этим людям приказы?

Роднин отрицательно покачал головой.

— То есть, за тобой, а, вернее, за ключом от твоей программы охотятся не только бывшие боевики, но и наши спецслужбы? А где он?

Олег дотронулся пальцем до седого виска. И мне стало страшно. А он обернулся и твердо сказал:

— Да, то, что известно мне, нужно обеим сторонам. Плюс разведкам других стран. Вы только представьте: управлять, словно роботами, большим количеством людей, которые даже не подозревают об этом! А я знаю всех в лицо и по именам. Поэтому меня и расстреляли в Чечне: были уверены, что ничего не добьются, но не хотели, чтобы моими знаниями кто-то воспользовался. Я этих арабов могу понять.

— Олег, — тихо спросила я, — ты и себя запрограммировал, чтобы не выдать код? Это

реально? Не случайно ж ты обронил фразу, что заставить работать тебя на кого-то против твоей воли невозможно?

Роднин посмотрел мне в глаза и ничего не ответил.

Димка присвистнул: исключая любой компромисс, Олег сознательно шел на гибель. По взгляду Роднина мне показалось, что вряд ли он оставил для себя возможность снять собственное «заклятие», если оно действительно наложено.

Русецкий налил всем виски и спокойно сказал: — Плюнь! Пока все это лишь у тебя в голове, все в порядке. А со временем что —нибудь придумается. Главное, сам не подставляйся!

Олег обвел нас беспомощным взглядом и облегченно вздохнул, словно ему отпустили смертельный грех.

Все выпили. А потом Сорин не выдержал:

— Но все-таки почему, пардон, тебя не пытаются повторно убрать?

Я на него шикнула, а Роднин спокойно сказал:

— Всем нужны результаты моего исследования. И пока я его не окончу, меня вряд ли уничтожат.

— Да Бог с ним, с исследованием, — мягко произнес Шурик. — Ты лучше научи нас каким-нибудь простеньким своим штучкам!

Олег усмехнулся:

— Я лишь могу рассказать элементарные истины о том, как лучше понимать собеседников и влиять на них.

— И на том спасибо! — заорал Димка. — Выпьем за тебя и начнем!

Ребята чокнулись, закусили, а потом Роднин прочел нам лекцию об азах психологии.

— Сначала, — заявил он, — нужно научиться наблюдательности. Вот на столе гелиевая ручка, которую мне дал в кафе Сорин записать адрес автомастерской. Что каждый из вас может сказать о ней?

— Я ее на рецепшене спер, — признался Димка, — и она голубая.

— Ею мало пользовались, — сказал Шурик.

— Она гелиевая, — подумав, сообщила я.

Мужики заржали.

— А еще?

Мы переглянулись.

— Ею мог пользоваться администратор?

— Наверное, — неуверенно протянул Шурик.

— А теперь я, — предложил Олег. — На рецепшене такими ручками не пользуются, там лежат фирменные, для дешевого понта. Но, может, ее забыл на стойке постоялец, который заселялся в гостиницу?

Мы дружно закивали.

— Не может, — отрезал Олег, — по

вышеназванной причине. А вдруг все ручки были заняты, и он вынужден был достать свою?

Мы закивали менее уверенно.

— Исключено, поскольку столпотворения тут никогда не бывает. Видите, кончик ручки погрызен? Значит, тот, кто ею пользовался, участвовал в процессе, требующем созерцания или умственного напряжения. Грызли передними зубами, но отпечатка одного верхнего зуба нет. Вряд ли в данном случае можно говорить о взрослом человеке. Скорее всего, это ребенок, у которого меняются молочные зубы. Ручка валялась на стойке в тот день, когда дежурила Валентина. Она работает на полставки и уходит в четыре. У нее сынишка трех или четырех лет. Но его видно не было. Это и понятно: после обеда в гостинице появился старший администратор, который терпеть не может, когда сотрудников отвлекают. Пропущу связующие звенья для экономии времени.

Валентина взяла с собой ребенка, поскольку того не с кем было оставить. Мать и сын испарились за час до окончания ее дежурства. Шеф, скорее всего, прибыл по просьбе женщины, чтобы найти ей замену. Что из этого вытекает? Значит, дома у Валентины что — то стряслось! Ну, а мальчик до прихода начальства рисовал этой ручкой на старых бланках, которые лежат на краю стола.

Рассказать о его характере и привычках? Или о ручке? Где и когда ее приобрели?

Мы отрицательно замотали головами.

— Тогда пофантазирую, что именно могло случиться? Все происходило на другой день после приключений Лизы. А Валентина живет в Каменке, и об этом все знают. Скажи, милая, киллера, которому свернули шею, с дороги хорошо видно?

Я отрицательно покачала головой. Напоминание о двоих киллерах, которые преследовали меня во время недавнего визита в город, куда я рванула, чтобы выяснить обстоятельства смерти историка Виктора, было некстати. Глубоко в подсознании, помимо воли, застрял тревожный вопрос: а вдруг это я виновата в смерти белобрысого парня? Если бы мне не пришло в голову переключить внимание увальня в коричневом пиджаке на него, чтобы ускользнуть от преследования, остался бы он жив, или нет? Впрочем, тогда могла бы лишиться жизни я, поскольку увальень, вырубив белобрысого, практически меня спас...

— Поскольку киллер сразу направился к тебе, можно предположить, что он местный, — продолжал Олег. — Парень, видно, знал о ложбинке в кустах, где можно спрятаться. Так почему бы не допустить, что он — муж или родственник Валентины? И его мертвое тело

обнаружили утром под деревом? Отсюда и хаос в ее расписании. Кстати, именно через эту женщину могла утекать о нас информация к неприятелю! Достаточно?

Мы созерцали Роднина с мистическим восторгом. А он, прочтя его в наших глазах, весело рассмеялся.

— Ну, ты и Шерлок Холмс! — воскликнул Димка. — Это ж надо: составил целую историю по одной ручке!

— Ребята, учитесь видеть и делать выводы. Именно мелочи могут рассказать обо всем. Важно, где, когда и при каких обстоятельствах вы их видите.

— Хорошо, — сказала я, — мы с тобой встретились впервые в кафе, причем, на мгновение. Что ты после этого мог сказать обо мне?

— Во-первых, ты красивая, — не задумываясь, выпалил Роднин. — Во-вторых, независимая. Тебе совершенно наплевать, что о тебе думают другие, поскольку туфли на такой платформе не надевают к элегантному пальто, а отсутствием вкуса ты не страдаешь. В-третьих, была не в себе. И я подумал: либо у тебя серьезный конфликт с мужчиной, и ты мчишься выяснять с ним отношения, либо позарез нужны деньги, и ты несешься, сломя голову, на деловую встречу. Учитывая дикий взгляд, всколоченные волосы,

размазанную помаду и засохшую грязь недельной давности на обуви, решил, что ты долго не выходила на улицу, и приглашение в кафе застало тебя врасплох. Возможно, дома работала. Но, судя по макияжу и нечищеным туфлям, с душевным комфортом у тебя были проблемы. В «Нестерке» предположил на секунду, что ты спешила на свидание к Алексею, но оно в картину не вписывалось. Продолжать?

— Не надо, — мрачно сказала я.

Всего за долю секунды Роднин психологически препарировал меня, и это было неприятно. Ребята хохотали.

— Впечатляет, — кивнул Шурик, успокоившись. — А дальше что?

— А дальше нужно подмечать тончайшие нюансы в поведении человека. Запомните: сознательное — лишь верхушка айсберга, который называется психикой. А все эмоции, комплексы и тайные желания бушуют в «сокрытом под водой» бессознательном. Оно легко поддается обучению, впитывает гораздо больше информации, чем сознание, и ощущает даже то, чего мы не видим и не слышим. Это наш внутренний космос, и возможности его — безграничны! Там существует времени и хранятся все знания, вплоть до малейшего звука и оттенка, с момента нашего зачатия. А некоторые считают, что даже с момента

сотворения мира! Именно поэтому психологи с ним и работают.

— Так вот почему медитация так важна на Востоке! — воскликнул Димка.

А я подумала: не зря китайцы исчисляют возраст человека с момента его зачатия, а не рождения...

— Да, отключив сознание, мы получаем максимум информации, — кивнул Олег. — Шура занимался восточными единоборствами и знает об этом. Остальное объясню в двух словах.

У нас пять входных каналов информации. Или же пять чувств, как принято говорить. Но у каждого доминирует какое-то одно. И когда мы говорим о хорошей зрительной или слуховой памяти, это значит, что один лучше воспринимает зрительные образы, другой — слуховые, и так далее. Поэтому сначала определите, кто перед вами? И стройте разговор, исходя из этого. Знайте: язык дан, чтобы скрывать мысли, но тело не врет никогда! Поэтому запомните изначальное состояние своего визави, задайте несколько вопросов, на которые знаете ответы, и наблюдайте за его реакцией. Следите за мимикой, жестами, движениями пальцев и глазных яблок, за поворотом головы... Запоминайте, когда он лжет, а когда нет... Затем отключите сознание и впитывайте малейшие изменения в его поведении... Это похоже на транс. И человек, в конце концов,

окажется перед вами, как на ладони! Ну, и себя, конечно же, старайтесь контролировать.

Мы, как замороженные, слушали Роднина. И я подумала: может, он часто держит руки в карманах из-за своей эмоциональности?

— А как влиять на людей? — в Димкином голосе звучал неподдельный восторг.

— Для этого нужно проникнуть в бессознательное собеседника. Правда, сознание, как цепной пес, вас сначала туда не пустит... Постарайтесь его приручить, усыпить, притупить бдительность!

— Но как?!

— Подстройтесь под ритм дыхания собеседника, под тональность и темп его речи. Повторяйте движения, жесты... Только незаметно! Станьте его отражением... Это называется подстройкой и практикуется в цыганском гипнозе. Но едва проникли в бессознательное, сразу же ведите человека за собой. Манипулируйте им, но только осторожно, чтобы он не догадался!

— А дальше? — затаив дыхание, спросил Сорин.

— А дальше начинается наука, которой учатся очень долго, — зевнул Роднин. — Я все это рассказал, чтобы вы сразу поняли, если кто-то захочет влезть в вашу психику. И еще, чтобы вы лучше чувствовали окружающих, и при

необходимости могли влиять на них. Но знайте: чтобы теорию применять на практике, нужно долго тренироваться.

— А кодирование? — обиженно спросила я. — Мы думали, ты нас этому научишь!

— Ох, ребята, — засмеялся Олег, — я учусь всю жизнь и никак не могу выучиться, а вы хотите целую науку за один вечер постигнуть? Одно скажу: знание основ психологии современному человеку нужнее для самозащиты, чем приемы рукопашного боя. И детей в школе я бы не сексуально просвещал, — они этому и сами быстро учатся, а психологически. Это, кстати, и в сексе помогает.

— Олег, — я запнулась и покосилась на ребят, — ты пенял мне, что я тебя избегала. Но ведь ты чувствовал, как я к тебе отношусь? Так почему же не внедрил в мое бессознательное и не провел там свои манипуляции?

Мужики замерли.

Роднин поперхнулся дымом, закашлялся и уставился на меня:

— Милая, ну, о чем ты говоришь?! Во-первых, я не был уверен в твоих чувствах. А, во-вторых, если бы и знал о них, то это было бы таким же насилием, как физическое. А, может быть, даже хуже. Ну, представь себя на моем месте: разве ты решила бы на такое?

Я подумала и честно сказала:

— Не знаю!

Мужчины застонали от смеха.

Олег беспомощно огляделся, решил, что я его не поняла, и попытался втолковать:

— Представь, что без памяти влюблена в меня, а я тебя избегаю. Но ты можешь изменить ситуацию при помощи пси-технологий. Разве ты пошла бы на это?

Я немного поразмышляла и заявила:

— Если бы речь шла о тебе, то пошла бы!

Мужики грохнули!

Олег растерянно захлопал глазами.

— Ради тебя я и не на такое пошла бы, — обреченно призналась я.

Димка от восторга упал на ковер. Роднин беспомощно улыбнулся, решив, видимо, что я пошутила. А зря!

— Я бы с удовольствием попил чаю, но у меня его нет, а в кафе идти лень, — перевел он разговор на другую тему и как-то странно покосился в мою сторону.

Но мне было наплевать. Я не хотела морочить Олегу голову, как это делали предшественницы. Пусть знает обо мне все!

— Могу предложить зеленый, с жасмином, — буркнула я.

— А к нему сыр, лимон и коньяк, —

мечтательно закатил глаза Димка и поднялся. — В общем, вы убирайте со стола, а мы с Лизаветой — за продуктовыми изысками.

Сначала заглянули ко мне.

Я переобулась, полезла в сумку за чаем и громко вскрикнула. Сорин мгновенно оказался рядом:

— Что с тобой?

Я извлекла из сумки маленькую стеклянную фляжку. В ней свивалась в клубок и растекалась по стенкам живая мерцающая субстанция. Она светилась серебристыми и розовыми тонами, а потом вдруг брызнула ярко-зеленым светом, и я едва не уронила сосуд. Это было изумительное зрелище!

— Ой! — оторопел Димка. — Что это?

— Помнишь воду из какого-то священного источника, которую ты привез в марте из командировки?

— Господи, так это она?!

Я кивнула:

— Захватила в косметических целях и забыла. А теперь смотри, что с ней делается!

Сорин помчался в ванную:

— Иди-ка сюда!

Я бросилась к нему.

Из крана текла вода и в темноте слегка светилась...

Димка включил свет. Мы в полном недоумении уставились друг на друга. А потом я неуверенно предположила:

— Может, вся эта водная феерия представляет собой единое целое с озером даже на расстоянии? Просто в той, что в сосуде, больше энергии?

— Выходит, вода, даже находясь в разных местах, телепатически связана? — очумело выдавил Сорин. — Что же в городе такого не видно?

— Может, там сильные электромагнитные поля, информации вокруг много, и это мешает воде общаться?

Мы озадачено переглянулись.

Я взяла чай, завернула фляжку в косынку, чтобы не смущать народ, и мы спустились в кафе. Пока Сорин приобретал припасы, вышла в холл и вцепилась в рукав дежурного администратора, пытавшегося прошмыгнуть мимо:

— А почему Валентины не видно?

Это был тот самый тип, что открывал мне дверь после ночных скитаний. С тех пор он меня почему-то боялся.

— У нее муж гражданский погиб, и они с сыном укатили к матери в Жмеринку.

— А когда он погиб?

— В ту ночь, когда вы ...

Он замялся и жалобно на меня посмотрел.

— Когда я появилась, вся в ссадинах и

царапинах?

Администратор осторожно почесал нос и кивнул. Мне показалась, что он меня в чем-то подозревает. И описала ему своего преследователя:

— Это он?

Мужик с ужасом вытаращился на меня и снова кивнул.

— Жаль парня, такой симпатичный! — лицемерно вздохнула я. — Он приходил в гостиницу, с Валентиной общался. А я почему-то думала, что это ее брат!

Администратор слегка успокоился.

Появился Димка, и мы поднялись к Олегу.

V

Роднин стоял в коридоре у распахнутого окна и курил. Услышав шаги, резко обернулся и двинулся навстречу.

— Пойду, чай поставлю, — тактично сообщил Димка и скрылся за дверью.

У меня заныло сердце.

Олег подошел, склонил голову набок и принялся с интересом изучать меня.

— Ну, что? — тоном приговоренного к гильотине спросила я. — Не ожидал, что я так далека от совершенства?

Олег тихо засмеялся и обнял меня. И сказал:

— Милая, я знаю о тебе даже то, о чем ты и сама не догадываешься. А за откровенность спасибо, она дорогого стоит!

Я шмыгнула и уткнулась носом ему в грудь. А он погладил меня по голове и шепнул:

— Святым поклоняются, а любят женщин. И ты единственная моя любимая женщина ныне и присно, и во веки веков!

— Аминь! — провозгласил незаметно подкравшийся Димка. — Хватит млеть, пошли коньяк с чаем пить!

— Сорин! — возмущенно воскликнули мы. А потом рассмеялись и пошли пить то ли чай с коньяком, то ли коньяк с чаем.

За столом я рассказала о Валентине.

— Ничего себе! — отреагировал Шурик. — Олег, да ты при желании мог бы детективную канитель, от которой у нас уже головы пухнут, распутать один и без всяких усилий!

— Не мог бы, — твердо сказал Роднин. — Слишком много не подвязанных концов во всей этой истории. С Валентиной же вышло случайно. И я совсем не уверен, что ее погибший приятель — тот самый киллер, который преследовал Лизу. Может, они просто похожи по описанию? К тому же весьма сомнительно, чтобы толстяк действительно свернул ему шею. Профессионалы без серьезных причин конкурентов не убивают.

Скорее всего, вырубил парня на время, а для этого достаточно нажать на пару точек на шее.

И мы были вынуждены признать, что резон в его словах есть. А потом я развернула косынку, и ребята ахнули. Димка дал краткую справку о содержимом фляжки, и народ задумался. Получалось, что существует информационное поле воды, которое, возможно, соединяет весь мировой океан.

— А почему бы и нет? — рассудительно заметил Шурик. — Вернадский говорил об информационном поле Земли, почему бы его не иметь и воде?

— Коль вода является частью планеты, значит, ее поле входит в состав ноосферы, — с видом знатока заявил Димка. — То есть, она накапливает информацию и сливает в общий котел.

— Сомневаюсь, — вздохнула я. И рассказала ребятам о снах, которые меня преследовали в течение последних месяцев.

— Так тебе здешнее озеро снилось? И зеленый свет в глубине? — с тревогой спросил Олег. — И началось все еще весной?

— Ну, не знаю, здешнее или нет... Но оно светилось.

— И что ты об этом думаешь? — обратился к Олегу Шурик.

— Я в этих делах не эксперт, — покачал тот

головой. — Но если отбросить стереотипы, то получается, что водоем послал сигнал SOS, когда его стали облучать. И Лиза его приняла. И маршрут она неосознанно строила, исходя из полученной информации.

— Да нет, ты не понял, — запротестовала я, хотя Олег подтверждал мои смутные ощущения, и это мне душевного комфорта не прибавляло. — Маршрут выбирался в соответствии с задачами фильма. И более подходящего места, чем это, найти невозможно!

— Уверена? — прищурился Роднин. — Подумай, куда бы вы могли поехать, кроме Ружевиной?

Я подумала. Мест оказалось много.

— Но была еще древняя карта...

— А когда ты ее показала Виктору? До снов или после?

— После, — обреченно призналась я.

— Но почему же сигнал приняла только Лиза? — недоумевал Шурик.

— А кто это сказал? — удивился Олег. — Возможно, его приняли и другие, но только ничего не поняли. А Лиза бывала в этих местах и неосознанно ощутила, что здесь что-то неладно. Почувствовала, что озеро попало в беду.

— Но что означают белесые фигуры? — спросила я.

— Это нам предстоит еще выяснить, — пожал плечами Олег. — Возможно, ты видела ночной кошмар, где передавалось настроение озера.

— Кто-нибудь может объяснить, как все технически происходит? — пробурчал Димка. Вид у него был почему — то обиженный. — От воды исходят какие-то импульсы, излучения, частоты, которые Лизка принимает во сне, как антенна?

— Что происходит в озере, сказать трудно, — подумав, сказал Олег. — Но негатив или сигнал тревоги оно, видимо, передает через воду, которая присутствует абсолютно во всем: в атмосфере, в нас, в нематериальных предметах.

И вдруг я вспомнила:

— Слушайте! Впервые мне сон об озере приснился, когда я протерла лицо водой из Димкиной фляжки. То есть, источник, из которого ее взяли, уже знал, что здесь случилось. И передал информацию мне!

— Однако! — покрутил головой Олег и полез за ноутбуком. Мы сгрудились у него за спиной.

Спустя четверть часа Роднин выключил компьютер. Все молчали. Не знаю, действительно ли здешнее озеро сигнализировало всему миру, как его мучают, но на американский континент за последние месяцы обрушилось невиданное количество ураганов и смерчей. В Западной Европе, не переставая, лили дожди. А побережье Японии

пострадало от фантастического цунами, и почти полностью было затоплено.

Я сделала выписки, Димка набрал Автандила. Тот стал диктовать примерные даты, когда над зоной висел купол, и светилось озеро, а я сверяла со своим списком.

— Ну, что? — спросил Шурик.

— Полностью совпадают, — и я отодвинула бумаги. Самые серьезные катастрофы происходили через день-два дня после облучения Зоны.

— Что же получается, — растерянно пробормотал Димка, — у нас еще одна версия?

Мы не знали, версия это или совпадение. Хотя, конечно, было странно, что страдали регионы, противостоявшие когда — то СССР. Идеологически они противостояли нам и сейчас: в какие бы колоры не раскрашивались знамена, власть на большей части пост — советского пространства оставалась в прежних руках. Не случайно же так болезненно воспринималась критика в адрес почившего в бозе советского строя со всей его репрессивной системой, и так настойчиво внедрялись в молодое сознание старые стереотипы!

Может, поглотитель был новым видом геофизического оружия, в разработке которого лидировал когда-то Союз? Тогда испытатели связаны со спецслужбами, поскольку террористы

все делали шумно и обожали работать на публику! Но мы решили, что катаклизмы — лишь параллельный эффект, а суть испытаний в чем-то более важном. Хотя, не исключено, что в аномальной зоне проверялись все возможности поглотителя.

Русецкий разлил по чашкам чай, плеснул в стаканы коньяку, не выдержал и вернулся к прежней теме:

— Олег, а в быту пси-технологии часто используются?

Роднин кивнул:

— На политических и деловых переговорах, в спорте... Если нужно скомпрометировать политического деятеля, то его заставляют вести себя неадекватно. Бывает, бизнесмены переписывают свой бизнес на кого-то или продают его за копейки, а потом ничего об этом не помнят.

— А ты бы мог так закодировать человека?

— Элементарно, — спокойно сказал Роднин.

— А как включается программа?

— При помощи «якоря» — кодового слова, телефонного звонка и прочих сигналов. Но не нужно думать, что человек слаб. Восточные мудрецы утверждают: самая мощная в мире — психическая энергия. И один-единственный хорошо подготовленный человек усилием мысли может уничтожить планету. Просто мы не умеем этим

даром пользоваться.

— И, слава Богу! — сказала я.

Олег насмешливо покосился на меня и добавил:

— Но при ряде совпадений и необходимой подготовке вызвать ураган на другом континенте вполне реально!

— Ну, да, — важно подтвердил Шурик, — китайцы говорят: если на одном континенте бабочка взмахнет крыльями, то на другом возникает цунами.

— Не знаю насчет китайцев, но вообще-то эту мысль автор Теории хаоса Лоуренс спер из древних Упанишад, — заметил Роднин. — Только там она значительно глубже: «Когда срывают травинку, вздрагивает вся Вселенная». Чувствуешь разницу? С бабочкой — это просто зависимость всех явлений друг от друга, а с травинкой — еще и эмоциональное «эхо», когда боль каждого ощущают все, и поэтому надо быть очень осторожными в своих действиях...

— Олег, — бесцеремонно внедрилась я в философский диспут, — а в чем заключалась подготовка суперсолдат? Может, там тоже кроется для тебя опасность?

Роднин заколебался, потом махнул рукой:

— Ладно! Напомню: об идеальном солдате мечтали всегда, и характерный пример этого —

Спарта! Но тренировать — долго и хлопотно. Особенно для последних войн, где частенько выигрывали не умением, а числом, и поэтому нужно было побольше пушечного мяса. Таким мясом становились мирные жители — добровольцы и мобилизованные в доблестные ряды. К ним предъявлялись простые требования: чтобы солдат исходил эйфорией, не испытывал страха, и подольше не умирал, даже если смертельно ранен.

В первую мировую все стороны использовали наркотики, во вторую — спиртное, наркотики и амфетамины. И немецкие солдаты, порой, шли в атаку с оторванной конечностью. Американцы употребляли амфетамины во Вьетнаме и во время операции «Буря в пустыне». У солдат обострялись слух и зрение, быстрее становились реакции, и они могли двое суток не спать. А в сочетании с другими психостимуляторами появлялась агрессия, исчезала усталость. Правда, потом организм истощался, и чувствительность его повышалась.

— Не удивительно, что многие оттуда возвращались наркоманами, — внесла я свою лепту.

Мужики с наслаждением слушали страшилки и посмотрели на меня оловянными глазами.

— Ну, да. А во время войны в Афгане наши медики испытывали на солдатах психотропные препараты, и еще ребята вкалывали себе

болеутоляющее, от чего ухудшалось зрение, и возникали галлюцинации, зато блокировались эмоции и пропадал страх. Парней из спецназа ГРУ кормили специальными таблетками, и те больше недели без сна и отдыха вели боевые действия. И я об этом знаю не понаслышке. А нынешние изобретения позволяют даже смертельно раненому человеку воевать несколько суток. И создана аппаратура, активизирующая деятельность мозга для выполнения конкретных задач. Это, конечно же, насилие над ним, но дополнительные возможности у человека действительно раскрываются. Новые разработки, в основном, испытывают на спортсменах, правда, без их ведома, а потом используются разведкой, ОМОНОм, морским десантом.

— Какой ужас! — вырвалось у меня. — И тоже без их ведома?

Роднин запнулся. Мужики злобно на меня покосились. И я в очередной раз убедилась, что они допускают любую мерзость, если та связана с бойней, называемой войной. И с горечью подумала: «Гены! Видно не прошли даром для сурового мужского племени многовековая охота на мамонтов и бессмысленное истребление друг друга».

А Олег рассуждал о том, что в современных условиях уже массовостью не возьмешь: чтобы стать хорошим солдатом, нужен интеллект. И

рассказывал об американской программе «Зомби»...

— Само название говорит, что она для особо одаренных, — невинно заметила я.

Мужики с возмущением уставились на меня.

— Милая, да у тебя не язык, а жало, — засмеялся Олег. — Сорин, как ты с ней работаешь?

Димка обреченно пожал плечами.

— Просто у меня логика железная, — скромно призналась я. — Например, в Нью-Йорке полицейские вполне адекватны, но в их ряды не могут попасть те, у кого IQ превышает определенный уровень: иначе стражи порядка начнут думать и додумаются до чего-нибудь нежелательного. И, размышляя, скажем, о несовершенстве законов, станут хуже исполнять свой долг!

А один известный ныне политик показывал нам с Сориным секретные инструкции спецслужб, которые попали к нему в начале перестройки. Во времена СССР высшему начальству рекомендовалось назначать на руководящие посты безукоризненных исполнителей, не отличающихся ни способностями, ни инициативой. И обеспечивать ребятам карьерный рост. А талантливых профессионалов и прочих гениев посадить в закутки, дабы не рыпались, трудились на благо и всегда были под контролем. Вполне гуманно: их не

стреляли и не высылали во вред стране, как это делалось после Великой Октябрьской и исключительно социалистической революции.

Так что не вешайте нам лапшу, профессор! Интеллект нынче на вес золота, и, имея его за собой, солдаты просто не пойдут воевать: не захотят отдавать такую ценность, как жизнь, за чьи-то никчемные, корыстные интересы. Значит, речь идет всего лишь о временной активизации определенных способностей, то есть, о том же программировании! По сути — о создании биороботов! И хорошо, если только на короткое время!

Роднин прищурился и несколько секунд меня разглядывал. В глазах промелькнула усмешка, он пожал плечами и спокойно сказал:

— Ну, и чего ты горячишься? Я же этого не отрицаю! Но ведь ты меня даже не дослушала...

— Тогда причем здесь интеллект? — перебила я. — И разве создание суперсолдат — не преступление? Не насилие над психикой? И над личностью в целом?

Олег дернулся и потянулся за сигаретой. А Димка с досадой бросил:

— Ты хоть сама поняла, что сказала? Знаешь, сколько ребят Роднин спас от суицида и гибели в бою благодаря своим программам?

Я не хотела обидеть Олега. Нужно было

выкручиваться, и я применила испытанный прием: подошла к Роднину, потянула за рукав и проворковала:

— Но ты так и не ответил на Димкин вопрос: почему занялся психологией, достигнув высшего пилотажа в хирургии?

Вид у меня был, как у нашкодившей кошки, а тон заискивающий и виноватый. Сорин к подобным фокусам давно привык и лишь раздраженно фыркнул.

А я привстала на цыпочки и поцеловала Олега в шею. В глазах у него заметался зеленый свет. Он судорожно вздохнул и приник губами к моим пальцам.

Димка, наблюдавший за всеми манипуляциями, аж застонал от негодования! Я показала ему язык.

Роднин присел на диван и налил себе коньяку:

— На определенном этапе стало понятно, что я борюсь лишь с последствиями заболеваний, а не с самими болезнями. А мне хотелось большего. Я перечитал уйму научной и неформатной литературы, много говорил с отцом и его коллегами — старыми врачами, и пришел к выводу, что надо начинать с диагностики.

— Ну, положим, Америку ты не открыл!

— Да, но я имею в виду диагностику на информационном уровне, когда болезнь только

приближается к человеку.

Это было что-то новенькое.

— То есть, речь идет о той стадии, когда, «все болезни только от нервов»? — уточнил Шурик.

— Еще раньше. Причем, я говорю не только о диагностике, но и о профилактике на информационном уровне. Ведь сначала поглощается информация, а уж потом на ее основании формируется психологическая программа, которая переходит на клеточный уровень. И я хочу начать с нулевого, а может, даже с отрицательного цикла. То есть, не только с выявления грядущей опасности, но и с создания информационного иммунитета.

В мире всегда возникали эпидемии: холеры, чумы, испанки, от которых люди вымирали целыми семьями и городами. Но некоторых заболевание обходило стороной. Они работали в лепрозориях, помогали заразным больным, но «под раздачу» не попадали.

— Интенсивно молились? — предположил Шурик. — Я где-то читал об этом...

— Вера — это отдельная тема. Просто они не морочили себе головы сплетнями и не закидывались на слухах. То есть, ставили противoinформационный барьер и не пускали болезнь даже в подсознание. Не боялись ее, как принято говорить. Они сосредотачивались на

сверхзадаче: помогали близким, лечили страждущих и так далее. И это оказывалось самым надежным средством. Вспомните: на фронте солдаты почти не болели даже в самых жутких условиях. То есть, если на карту поставлена жизнь, людям не до болезней!

— Выходит, сглаз, проклятие, порча — не сказки, а реальность? — удивился Шурик.

— Я не колдун и не собираюсь анализировать эти понятия. Но если они подразумевают мощный посыл негативной информации, от которой человек может заболеть или умереть, то реальность.

— Значит, людям вообще ничего нельзя говорить о болезнях? А как их предупреждать об опасностях того же свиного или птичьего гриппа? — недоумевал Русецкий.

— Предупреждать, конечно же, надо. Но массированная информационная атака с оттенком истерии, которую предпринимает пресса, наводит меня на очень нехорошие размышления. Вряд ли ее можно оправдать только погоней за сенсацией. Да и странные эпидемии, вызывающие панику и приносящие фармацевтическим фирмам огромные барыши, заслуживают пристального внимания и отдельного разговора.

— Как хочешь, Олег, но колдовские обряды и бабки-знахарки, по-моему, никак не увязываются с тем, что ты делаешь! — решительно заявил

Димка. — Одно дело — мозг, подсознание, и совсем другое — сомнительные магические действия!

— Уверен? — прищурился Роднин. — А хочешь, приведу по памяти кое-что из эзотерической литературы? Задолго до Рождества Христова посвященные знали, что «всякая человеческая мысль переходит в момент развития в мир внешний, где делается существом активным. Она живет, как активно-разумное творение, и время ее существования зависит от силы напряженности мозга».

То есть, человек непрерывно населяет пространство фантазиями, желаниями, стремлениями и страстями. А те, в зависимости от силы породившего их ума, воздействуют на любую нервную организацию, которая соприкасается с ними. И это — почти дословный текст. Каково? А ты говоришь: обряды, бабки! Так что не только со словами, но и с фантазиями следует поостеречься!

— И ты утверждаешь, что об этом знали тысячи лет назад? — не поверил Димка.

Олег кивнул:

— Но только посвященные! А до простого народа, или же профанов знания доходили в виде сказок, легенд, примет и суеверий.